

**ДМИТРИЙ
МАНАСЫПОВ**

13

УЧАСТОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Манасыпов

13 участок: Чужак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56409303

SelfPub; 2020

Аннотация

Наша работа – раскрывать преступления. Только они порой очень необычные, как и совершившие их. А сейчас... сейчас нам, копу с жетоном и агенту СК, службы контроля, Алексу Кроу и Агнессе Роецки, надо найти чудовище, убивающее ради странных ритуалов... Я Алекс Кроу, детектив 13 участка Ночного Города. Никогда не спящего NY, давшего пристанище Другим расам, ведьмам и колдунам Нового и Старого Света, чудовищам в человеческом облике и людям, прячущим внутри демонов. Я почти всегда один, а мои напарники молчаливы и не имеют души, ведь это Кольт 1911 и испанский Маузер, 45 калибр кольта и 9 миллиметров Астры – это моя гарантия. Гарантия выживания, а не просто выполнения задания. Я живу в мире технической революции и магии альвов, дирижаблей у Крайслер-Билдинга и гоблинов-слесарей, хрома автомобильных дисков и кукол Вуду негритянского квартала. Я... Лёха Воронин, попавший в другой мир, время с местом, и просто пытающийся здесь жить. И, дьявол, мне здесь нравится. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава первая: молчаливая красавица и удивительно трезвый ирландец	8
Глава вторая: немного о себе и всяких странностях	18
Глава третья: поганый лях, еврей-бабник, наводка и поцелуи со сплетнями	31
Зачарованные странники-1	48
Глава четвертая: Маленький Китай, старый убийца и пара разбитых носов	56
Глава пятая: обнаженные красотки, поганая жирная жаба и неожиданная дырка	73
Глава шестая: старый коновал, черное с лиловым и папиросы	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Пролог

Её ночь пахла опасностью, кровью и духами "Иранская яшма". Так себе аромат, если честно.

Но из-за него – моя ночь воняла кошками, улицей и десятой подряд "Лаки Страйк". И звучала саксофоном из вентиляции ночного клуба, на чьей крыше жду эту опасную чёртову суку.

Я...

Я Алекс Кроу, детектив 13 участка Ночного Города, ждущий под дождем и в темноте тварь, убивающую, когда звучит «Прогулка черной кошки». А еще я – Лёха Воронин, попавший в другой мир, время и место, и просто пытающийся здесь жить. Пусть и не особо просто.

Моросило. Неудивительно, это осень, пора привыкнуть, верно, дружок?

Внизу играл Луис, седой морщинистый чернокожий, любящий свой сакс, бурбон и ночную жизнь. Скоро должны начать выступление «Моррис, Моррис и Мак-Кейн», отличная блюз-банда, переехавшая в Город из Орлеана. Ребята здесь уже второй месяц и каждую пятницу собирают полный зал, а «Прогулка чёрной кошки» стала настоящим хитом. Наверное, скоро стоит ждать пластинку с двумя белыми и одним чёрным лицом, на троих – пара улыбок и одна недольная ро-

жа. Мак-Кейн, вроде бы, никогда не улыбался.

Мы со Звездочкой, ждем другую черную кошку. Наша обожает гулять ночью. Каждая чертова прогулка заканчивается смертью, и, сами понимаете, не её. Давно стоит прекратить эти моционы, потому и приходится торчать здесь, под морозящим дождём, слушая пронзительную и рвущую душу музыку Луиса. Старый пердун просто виртуоз, пользуется этим, катаясь как сыр в масле. Винченцо, хозяин «Вероны», понимает ценность древнего негра и платит даже больше, чем достаточно.

Луис подбирается к концу, саксофон, грешный, как жизнь его хозяина, то ли плачет, то ли смеётся. Звук идёт через вентиляцию, чуть дребезжащий и дерганый. Совсем как переливающаяся лампами и красными бликами витрина салона частных танцев «У Лу», что напротив клуба. Пара ламп почему-то работают плохо, и красотка, смотрящая в ночь, как будто призывно подмигивает. Нет, детка, сегодня я не твой клиент. Но это так глупо и мило, что подмигиваю в ответ.

Дождь моросит и моросит, остается лишь радоваться сухому пальто. Оно кожанное, но не портится и не промокает. А вот чья кожа пошла на него – спрашивать у старого Мейхера не принято. Вот только не подумайте какую глупость, человеческая кожа, если ее не провоцировать, сыреет не хуже остальных. Мейхер, лучший портной Ночного Города, говорит цену и ты соглашаешься, если хочешь получить отлич-

ную вещь. Пуговицы костяные и мне выпало немало удивительных минут, проведенных в лаборатории, где ребята пытались понять – чьи же кожа да кость? Но парни так и не сумели разобраться.

Пальто необходимо не только чтобы прятаться от дождя с ветром. Мейхер знает свое дело и пара постоянных спутников, Кольт 1911, суровый и надежный, как тexasский рейнджер, и моя малышка Звездочка, хромированная испанская «Астра», прячутся под ним лучше некуда, совершенно незаметно. 45 калибр кольта и 9 миллиметров Астры – это моя гарантия. Гарантия выживания, а не просто выполнения задания. На улице темнота, кажущаяся живой и так не всегда лишь кажется.

В Ночном Городе темнота прячет в себе не только карманников, проституток всех мастей, воров, наемных убийц, грабителей или толкачей дури. Здесь хватает всякого, не говоря об опасной кошке, любящей гулять ночами и пахнущей «Иранской яшмой».

Новая «Лаки Страйк» взрывается с легким шипением. Дым окутывает лицо, проходит в носоглотку и тонкими струйками улетает вверх, кружась вокруг шляпы. Здесь нельзя ходить с открытой головой, если, конечно ты не притворяешься деревенщиной, эмигрантом или парией из гетто. Галстук... галстук мешает и капитан ворчит, но терпит мои водолазки. Они не цепляются в ненужный момент и не дают шанса кому-то ловкому и тихому подкрасться и, из-за спи-

ны, затянуть мой узел потуже.

Да, во внутреннем кармане пальто есть значок детектива. Но, уж поверьте, публику Ночного Города значок порой лишь раззадорит. 13 участок, следящий здесь за порядком, любит малая часть горожан, обычно спящих днем и выбирающихся лишь к вечеру. 13 участок бельмо на глазу у многих и многих, любящих темноту.

Почему я так открыто курю, выжидая её, бесшумно ступающую опасность? Это часть игры и, надеюсь, она ей понравится. Надеюсь, неуловимая незнакомка, прячущая за дурманящим восточным запахом медь засохшей крови, захочет поиграть со мной. Самооценка порой подводит и очень-очень сильно, заставляя переоценивать себя. Может быть, она на самом деле сильна, быстра и ловка, проклятая сумасшедшая любительница боли и страха, кто знает?..

Но я её остановлю. Просто потому что так надо, ради справедливости и покоя этих чёртовых улиц, не родных и ставших лишь чуть знакомыми. А ведь неделю назад все начиналось как обычно... С молчания и фотовспышек. Как и всегда случается при убийстве.

Глава первая: молчаливая красавица и удивительно трезвый ирландец

Её глаза отражали яркие разряды от работающего «Ко-дака». Её глаза как зеркало, совсем не замутненные и даже красивые. Синие-синие, как подарочная бумага из универсального магазина для обертки на Рождество. Жаль, что они мёртвые.

Для фотовспышки некоторые до сих пор используют магний. Он чуть шипит, трещит и, бах, хлопок и все в белом сиянии. Магний опасен, но многие пользуются им до сих пор. Наш капитан сторонник прогресса и у Майки, нашего штатного эксперта, нормальная лампа. Она не одноразовая, Майки ее ни за что не выбросит, но для вида, когда рядом обычные копы, выкручивает.

Здесь холодно и поднятый воротник пальто в самый раз. Смешно, но он грел, а не создавал иллюзию тепла. Пальцы мяли «Лаки» без фильтра, подцепив ее из зеленой пачки. Тут многое сперва непривычно, но это проходит и даже нравится. Здесь все настоящее, со сказочно прекрасным вкусом, даже эта самая никотиновая палочка, пахнувшая чуть подкопченным кентуккийским табаком в пальцах, а когда её касается огонек зажигалки... Просто наслаждение.

– Ты не можешь не смолить, Кроу? – Макнамара меня терпеть не может и старается придрататься ко всему.

– Могу.

– Почему тогда опять куришь?

– Хочется.

Да, я его тоже не жалуя, не с чего. Чертов веснушчатый ублюдок невзлюбил меня сразу и не нашлось ни одной причины, чтобы налаживать мосты потом.

– Эй, парни, идите сюда.

Майки, конечно, эксперт, но не главный. Наша главная звезда криминалистики высок и безобразно тощ, с ужасным характером и имечком ему под стать: Реджинальд Лафайетт Фиц-Урс. Ну, либо просто Фиц. И уж если Фиц решил позвать самых никчемных работников участка, то есть детективов, следует нестись вприпрыжку, радостно помахивая хвостиком. Да только шиш ему.

– Кроу, дым мне мешает, – заявил Фиц и замолчал, ожидая реакции, чертов говнюк. Ладно, докурю на улице, заодно заставив их немного позлиться. Бедная девчонка подождет, ей-то все равно.

– Кроу, мать тв... – начал было злющий Макнамара, до кончиков ушей наливаясь алым.

– Сейчас вернусь, ребята, пару минут. И не смей поминать мою маму, Мак.

Фиц положил руку ему на плечо и Макнамара не закипел дальше. Хорошо, настроения махать кулаками не имелось.

Я вышел из подвала, прячущего в себе огромный холодильник. Моросило и из-под жестяного козырька над входом высовываться не хотелось. Подумать можно тут, дождь никак меня не вдохновлял. Осень здесь порой мерзкая, но снаружи все же теплее.

Холодильник прятался в нижнем этаже кирпичного дома в Маленькой Италии, в тесном проулке, заканчивающимся тупиком. Манхэттен застраивался плотно, кое-где даже не развернуться и сейчас теснота оказалась нам на руку. Убитую девушку нашли днем, понаехало копов, приманив зевак и репортеров. Сейчас вся эта шантрапа стояла за оцеплением, состоящим уже из наших ребят. Поздновато, конечно, но информация дошла до капитана слишком поздно.

Что мы имеем, детектив Кроу? Совсем немного, но даже этого хватит и вряд ли Фиц на месте расскажет больше. Бедняжку, застывшую в ледяной пещере холодильника, убил кто-то из наших клиентов. наших, 13 участка, работающего по Ночному городу. Почему я думаю именно так?

Других вариантов, также, как и приезда начальства, не наблюдалось. Местные сицилийские ублюдки – мясники не из последних, но тут все ясно. Девчонку вспороли, как свинью на бойне, вскрыли от паха до горла, выпотрошили и оставили застывать, превращаясь в камень. Кровью и остальным, макая руку, на стене выписали странное послание, где не встречалось ни одной знакомой буквы. Такое ни одному здешнему «солдату» не под силу, такое им и не снилось.

Да и холодильник подсказывал такое же решение, ведь...

– Кроу! – Макнамара возник в двери за спиной. – Давай быстрее.

Чертова жизнь, угораздило же попасть с ним в одну смену. Это все капитан, не иначе, старающийся держать нас в тонусе и создающий конкурентную среду в стайке своих ищеек. Надо не забыть сказать спасибо.

Фиц ждал нас все там же, все с тем же брезгливым выражением лица и все также желавшей поделиться собственной мудростью, предназначенной для идиотов-детективов. Ну, лысый пень, лично я готов тебя слушать.

– Смерть наступила в результате кровопотери, повреждение внутренних органов и болевого шока. Приблизительно около четырех дней назад, если не больше. – Эксперт поморщился из-за вспышки, Майки продолжал щелкать место преступления. – Точнее скажет коронер, а я подготовлю отчет для всех, включая кэпа.

– Это ясно, – фыркнул Макнамара, – тут и ребенок разберется.

Иногда Мак загибает так, что тянет закрыть лицо рукой. Конечно-конечно, старший детектив, если только ребенок гений. Либо отработал достаточно в полиции, повидав всякого и имея немного настоящего, уличного, опыта.

– Вот как? – Фиц вытянул свое лошадиное лицо в недовольной гримасе. – Может быть, мистер самый старший из умных детективов поделится мыслями о характере имею-

щихся ранений, включая летальные или даже сможет определить тип оружия, а также предполагаемую классификацию убийцы?

Как красиво завернул... Порой Мака стоило возвращать на место, чересчур уж много тот мнит о своей персоне. Но вряд ли в этом случае у Фица выгорит. К сожалению, Макнамара не ребенок и опыта ему не занимать. А случай, как и думалось под козырьком, явно наш и причин тут несколько. Свои был готов изложить прямо сейчас, но стоит выслушать нашего умника.

– Кто-то из Ночного города, – фыркнул Макнамара, закинув пластинку жвачки. – Ритуальное убийство, из-за чего нам всем, включая этого хлыща, придется рыть носом землю. Никто из итальяшек не станет пачкать руки таким дерьмом, да они поголовно католики. А еще...

– А еще это холодильник Тони Бритвы. – пророкотало за нашими спинами. – Сам Тони в каталажке, и никто, из уважения к нему, сюда просто так не сунется. И, да, Мак, вы станете рыть землю, трясти всех и вся, но найдёте мне поганца хоть из-под земли, ясно?!

Начальство прибыло, совершенно неожиданно и весьма ожидаемо. Ожидаемо, потому как кэп не скрывал своего приезда. А вот что заставило нашего медведя выбраться из-под теплого одеяла и мягкого бока миссис О`Келли так быстро – это интересно. Если не сказать больше.

Ответ крылся в красотке, больше не освещаемой фото-

вспышками, это точно. Но почему?

– Что, Кроу, уже начинаешь, наконец-то, думать? – хмыкнул кэп, остановившись рядом и сдвинув шляпу на затылок. – Бедная девочка, какая же скотина могла сделать такое?

О, кэп, ты пока не знаешь точного ответа, но подозреваешь, что знаешь. Да мы все здесь уверены в одном и том же.

В свихнувшейся твари, живущей среди Ночного города, недавно прибывшей, либо прятанной долгое время. Среди «наших» ребяток хватает всякого дерьма, а уж человеческая кровь для половины из них – как горчица с кетчупом для хот-дога. Без них обычная сосиска с булкой остается просто сосиской и не больше. Но добавь поджаренного лука, выдави желтого с красным и оп, у тебя крохотный шедевр простой кулинарии.

Кэп, даже поднятый посреди ночи с кровати, блистал стилем: галстук, накрахмаленная сорочка, запонки и серый, в полоску, костюм-тройка. Миссис О'Келли, бывшая деревенская девчонка из страны картофеля, лепреконов и виски, страстно любила свою текущую жизнь. И все ее деловые проявления, как же без них.

– Кроу, когда ты, наконец, перестанешь носить водолазные свитера? – между делом поинтересовался Кэп, рассматривая мою любимую черную водолазку, предательски торчавшую наружу.

Вообще-то они все у меня любимые и черные. Вот только Кэпу все они не по душе, он же консерватор и республика-

нец. И католик, самой собой. И, как такое возможно, трезвенник. Непьющий ирландский коп, командующий участком, следящим за созданиями Мрака и Тьмы, рехнуться можно.

– Я собираюсь уйти в ночь на поиски, шеф.

– Сукин ты кот, Кроу, – Кэп пребывал явно не в лучшем настроении духа, ворчал и танцевал цирковым медведем, топчась по плитке на полу. – Сейчас прибудет хренова СиКей, а ты как всегда меня позоришь своим видом.

Макнамара, Фиц и я уставились на Кэпа. Майки, работавший с порошком и кисточкой, не остановился, но, судя дрогнувшим кончикам ушей, весь превратился в слух. Майки – полукровка, его заделал прачке из Квинса какой-то альв, и, видно ради шутки, силком притащил ту в Ночной город. Майки никогда этого не забывал и работал на совесть, ненавидя всех Старых. И пользовался всем арсеналом необычного, полученным от отца.

– Какого хрена здесь делать СиКей? – наплевав на манеры с субординацией удивился Макнамара. – Это ж просто...

– Не просто, – кашлянул Кэп, нарезая новый кружок вокруг синеглазой красоты, навсегда уснувшей в холодильнике чертового Тони Бритвы. – Одна из секретарей в офисе мэра.

И достал фотокарточку, сунув Макнамаре в руки. Черт, теперь сомнений в рытье земли не осталось совсем. Стоило самому догадаться, подсказки же на лицо, вернее – на теле.

Шляпки рядом со светлыми волосами не оказалось.

Немудрено, девочку сюда либо заташили, потеряв ту по дороге, либо слетела, пока убегала от убийцы. Пальто, вернее его остатки и относительно сохранившаяся юбка точно куплены не в «Сирс». Мастерская-ателье с Пятой авеню, судя по ткани и мастерству закройщика. Чулки и обувь тоже не из дешевых, значит, не из ночных бабочек. И тогда...

– Что она тут делала? – сам у себя поинтересовался Кэп, закинув конфету-леденец в свою хлеборезку, тут же ответил. – Это, как раз, вы мне и расскажете. А первые соображения, уважаемые детективы, жду к вечеру. Подключайте хоть весь отдел, берите патрульных, рыскайте, как и где хотите, но первый отчет каждый из вас кладет мне на стол вечером!

– Это мое дело? – довольно осклабился Макнамара, явно радуясь моему подчинению.

– Нет. – отрезал Кэп. – Это дело для вас обоих. И еще, совсем немножко, для Смита. Вы трое, каждый сам по себе, и чтобы быстрый результат. Мэр меня сожрет с потрохами.

– Почему мы о ней не в курсе? – взбрело поинтересоваться мне.

– Потому что! – рявкнул Кэп. – Я сам узнал только сегодня... Вчера... Да какая разница!

Вот, значит, как. Девчонка пропала, и, скорее всего, знала что-то интересное. А наш благодостный мэр неведомое «что-то» наружу выпускать не хочет.

– Мэр может спать спокойно. – хмыкнул Макнамара. – Ее принесли в жертву вместо козла или петуха, всем же ясно.

Все его секреты теперь упокоились вместе с ней.

Я посмотрел на нее. Постоянно открывающаяся дверь сделала свое дело. Пусть снаружи осень, но там теплее. Ледяные стены потихоньку подтекали и разница температур делала свое дело: от краешков синих глаз, по белой пока коже, бежали поблескивающие дорожки. Она оттаивала, и скоро вся эта застывшая красота Белоснежки, сломанной и брошенной в ледяном гробу, умрет окончательно.

И...

– Кроу! – стеганул голос Кэпа. – Это твоя работа, к слову, хорошо оплачиваемая. И таких девочек Город за год сжирает не меньше пары-тройки сотен. Ты готов мстить за каждую? Я? Пока еще не уверен, но все возможно.

– Займитесь опросами везде, включая офис прокурора, копов, Портового управления и даже пожарной службы! – Кэп поморщился, закинув следующий леденец. – Проверьте такие же убийства, ищите концы и найдите мне ублюдка.

– СиКей нам не помогут? – поинтересовался Макнамара.

СиКей, Служба Контроля, прокуроры и ФБР Ночного города, могла многое. И даже имела в штате самых настоящих ведьм. Вот только помогать 13 участку никогда не спешила.

– Нет. Все, парни, валите работать. – Кэп ткнул Фица в грудь. – А ты, пока с коронером не сделаешь все нужное, домой не уедешь.

Кто бы сомневался.

На улице всё также моросило. Макнамара, не попрощав-

шись и не пожелав удачи, отправился к своей машине. А я...

А я закурил и уставился на стену, напротив себя. «Лаки» потрескивала, дымок вился вокруг и мысли уже начали собираться в нужный клубок.

Любое расследование начинается с фактов и слухов. Факты подготовят эксперты, а вот слухи – это моя личная забота. И хорошо, когда есть к кому обратиться за ними. Ночной город, даже когда кажется спящим, видит всё и вся, никогда не забывая даже ерунду. Главное здесь – знать, у кого спросить нужное тебе.

А у меня такой человек был. Ну, либо не совсем человек, тут уж как посмотреть.

Глава вторая: немного о себе и всяких странностях

Быть обычным – просто прекрасно. Обычные люди стандартной внешности, нормальной жизни и типового мышления имеют мало проблем. Спокойно занимаются своими делами, не бросаются в глаза, не привлекают ненужного внимания и просто живут.

Я был обыкновенен до серости. И это меня вполне устраивало. Пока как-то раз не решил сходить за сигаретами в круглосуточный магазин.

– Кроу, ты долго будешь тут торчать? – поинтересовался Абак и нажал на сигнал. – Счетчик крутится, деньги мутятся.

Абак обладает несколькими яркими чертами, незаметными рядовым гражданам Города. Абак относится к древнему и благородному роду Воронов, обожает строить из себя серьезного бандита и разговаривает на странном сленге, заставляя подозревать его в умении управлять временем. Проверить догадку не так просто, он же из, сами понимаете, древне-благородного рода.

Вороны, всем своим небольшим сплоченным семейством, обитают в Квинсе. Воронам плевать на ряд правил Ночного Города, их собственная черноперая магия позволяет тво-

ритель что в голову взбредет. Чаще всего им взбредает просто жить среди людей, наслаждаясь покровом иллюзии, позволяющей ничем не выделяться и порой делать карьеру там, где не ожидаешь.

Ну, может ли значится в помощниках начальника Портового Управления города Нью-Йорк и штата Нью-Джерси высоченная, целых шесть футов с парой дюймов, черная как смоль и говорящая на трех-пяти языках, птица? Птица, обожающая сигары, шляпы-цилиндры, галстуки и даже трости? Наверное, никак не может.

Но старший кузен со стороны двоюродного деда нашего Абака, Скарк, занимал именно эту должность. Чертовы Старые, с их умением наводить морок и пудрить людям мозги, верно? Скарк имел все разрешения от СиКей, Службы Контроля, и, наверняка, ими же был подсажен в само Управление.

– Кроу! – каркнул Ворон.

Когда Ворон дымит самокруткой, прищурившись от дыма и наполовину высунувшись из «бьюика», поневоле прислушаешься. Абак недовольно покосился на меня, присевшего на переднее сиденье, но даже не фыркнул.

Почему детективу 13 участка отправляется по срочным делам на такси? С водителем Вороном? Потому что машина в ремонте, вот и все. А положение полиции Ночного города дает свои привилегии. Например – меня с относительным комфортом повезет куда надо таксист-Ворон.

Дождь не прекращался, дворники гладили стекло с ужасно противным звуком, но зато мы ехали. Я еще не сказал куда мне? Конечно, просто Абак не хотел стоять на месте.

– В «Тихий Лес», Абак. Хотя...

Абак хрустнул клювом. Одурачающие зрелище со звуком эти вот самые его привычки, уж поверьте. Вас раздражает хруст пальцами? Попробуйте представить птицу ростом с человека, трещащую крепчайшим, кости долбить можно, клювом.

– Да, ты прав. Пока ещё рановато, профдеформация, не иначе.

– Хрена ты словечки знаешь, фраерок... – поделился Абак мыслями.

Говорил же – что-то не то с этим крылатым, откуда здесь и сейчас возьмется этот «фраерок»?

– Поехали позавтракаем. Пока доберемся на тот берег, как раз у Стиви начнут подавать блинчики.

Клюв Абака щёлкнул одобрителнее, ведь что-что, а пожрать он не дурак. Светало, но все же ехать к моему информатору стоит лишь соблюдая приличия. Клуб открывается в десять, будем вежливы и уважительны, подкатим вовремя. Какой клуб? «Тихий лес», принадлежащий самому настоящему польскому дворянину и отставному поручику Межинскому. Кто там мой информатор и почему? Все просто, однозначнее однозначного.

Чертов эмигрант, утверждающий о своем бегстве в связи с

несогласием по ряду вопросов, выдвинутых «красной» половиной российских Советов, на самом деле колдун. Хороший, мать его, чернокнижник, по праву занимающий достойное место в иерархии Ночного города. Владелец загородного клуба, магазина антквариата и букинистических жемчужин на Седьмой, а также пары-тройки ломбардов. Не говоря о подпольной винокурне, гонящей настоящую «вудку» и торговец оружием.

Почему я его до сих пор не сдал Кэпу? Потому как бесполезно, Межинский торгует стволами и остальными совершенно легально. Америка, сука, страна возможностей, все знают. А самогон... Да ну, глупость какая-то, сдавать какого-никакого, а почти друга из-за самогона.

– Задумался о своей горькой судьбинушке, Кроу? – каркнул Абак. – Или зажил лил платить за блинчики?

А, чертова курица, вырвал из мыслей... И хорошо. Недосып давал о себе знать.

– Я плачу, черт с тобой. Поехали.

Он затаился, выпустив целый клуб дыма, шевельнул своей бородкой из перьев и выкрутил руль, развернувшись прямо посреди улицы. Вороны, как и все Старые, обожают игнорировать людские правила, а уж касаемые дорожного движения для них ровно как сметана на кухонном столе для кота. Как кот, пусть и зная, наплюет на обязательно прилетевший тапок, так и Старые нарушат их при первой возможности. Так и живем, уважая древних и благородных, да страст-

но желая снова преподать им урок. Желательно – пожёстче.
– Включить радио, Кроу?

Мне было все равно. Здесь еще любили джаз, хотя блюз становился все популярнее, а до рок-н-ролла и Бадди Холли с Королём, по ощущениям, оставалось совсем немного.

«Бьюк» мурлыкал двигателем, мягко покачиваясь на вполне себе хорошей дороге, ведущей в сторону тоннеля Хобокен. Литтл-Итали, с её макаронниками, вечно небритыми вырожденками в шляпах, кричащими красивыми брюнетками и одной мертвой блондинкой, оставалась позади.

Иногда меня так и тянуло подойти к кому-то из заносчивых ублюдков, намеренно гундосящих с сицилийским акцентом, подойти прямо посреди обеда с домашним хлебом и вином, обязательной пастой, пахнущей чертовым пармезаном и, выдохнув сигаретный дым, рассказать немного правды.

Что Чайна-таун и черные, ставшие афроамериканцами, пожрут Маленькую Италию полностью. Что всего через сто лет никому не будет дела ни до Тони-Бритвы, ни до Корнуухого Винченцо, ни даже до самого Вито. Никто их не вспомнит и не поплачет над могильными камнями настоящего мрамора. Красный кирпич их аккуратных домишек покроется граффити, переулки, вместо хлеба и сыра, станут вонять мочой, а в аккуратных бакалейных лавках, взамен базилика и золотистых связок лука к лазанье, станут продавать замороженно-готовых цыплят по-кентуккийски с сырными

шариками.

Порой мне жутко хотелось это сделать, когда в очередной раз наши дела сводили с местными копами и вся эта сраная романтичная тарантелла рассыпалась из-за новых трупов, найденных синими после garotta, удушенных из-за неуплаты дани или плавающих в крови из-за «сицилийского галстука», глотки, вскрытой от уха до уха с языком, специально вытащенным через разрез наружу.

Но, учитывая все новости, свалившиеся на меня в первые полгода, новости о мире и всякие странные изменения в истории, точно ли сбудутся мои слова? То-то же, потому пока я терпел, хотя руки с языком чесались неоднократно.

– Кроу, красоту нельзя убивать просто так. – каркнул Абак и уставился вперед, вдруг нацепив синие круглые очки.

Чёртов Ворон, прикидывающийся, как они все, бездушным наблюдателем за жизнью короткоживущих человечков. Брякнул, потому как даже Старых порой задевает жестокость их собственных товарищей по Договору, заставившему древние расы жить постоянно прячась.

Задевает, особенно, когда им известные подробности. Задевает далеко не всех, кому-то лишь бы посмаковать подробности, как сливочное мороженое после обеда. А вот нашему Ворону, закрепленному за участком, не все равно. Но, так уж у них устроен взгляд на мир, больше из него ничего не вытянешь. Будет молчать, курить и сидеть чучелом, глядя в ночь через темные стекла. Хренов черноперый ублюдок.

К Старым, мне было привыкнуть очень сложно. Сложнее всего остального. Зато закончилась обычность.

Обычным быть прекрасно. Живи себе припеваючи и наслаждайся жизнью, что может быть лучше? Все по расписанию, давно известно и измерено во всех физических плоскостях.

Понедельник – день тяжелый, главное тут не опоздать в офис. Утренний кофе из сушеных тараканов, плюшка, перехваченная в ларьке по дороге. Оперативка, нарезание планов с задачами, все знакомо до запятой-ссоры с бухами и восклицательным знаком из-за клевой новой девчушки соседей по этажу.

Среда – маленькая пятница. Можно задержаться домой, заодно зайдя в гипер и прикупив жратвы до выходных. Качнуть пару сериальчиков, рубануться в сетевую или потупить в монитор, рассматривая новую киношку. Снова лечь хрен пойми во сколько и не выспаться в четверг, опять забив на зарядку с лишними кэгэ, насиженных на жопе ровно.

Пятница-развратница, благая долгожданная тятница с баром, клубом, пивасиком у типа друга в ипотечном скворечнике и такси втридорога поздней ночью. Как говорится – если повезет, тогда и триппер, а нет, так Порнох... ну, всяко в жизни случается.

Выспись я с воскресенья на понедельник последней недели Дома, глядишь не натупил бы в среду, зайдя в магаз. У

меня рядом со съемной хатой сразу «Пятёрочка» с «Магнитом», а еще недавно открылась «Лента». Выбор нормальный, но я упорото тупил из-за желания поспать, не купив свой обычный блок сиг на неделю.

В пятницу, почти трезвый, приперся домой и, часа через два, крутя в руках пустую пачку, понял – придется. Придется, мать его, выйти на улицу и переться через переход на ту сторону улицы, в круглосуточный, выбирая между их «Парламентом аква-блю», «Винстоном» и пролетарскими «2222».

Там-то, в переходе, меня и нашел Блэкстоун.

Кто такой и почему Блэкстоун? Тут все просто.

Блэкстоун потому что очень пафосный. Как и положено, мать его, демону или кто он там. А Блэкстоун, прорвавшийся к нам отсюда, был первостатейным аристократом среди поклоняющихся древней Тьме, когда-то почти уничтоженной половиной Старых в союзе с людьми. Но «почти» не означает «навсегда», верно?

Меня чуть покачивало, ведь накидались мы неплохо. И кто-то, идущий прямо ко мне, сперва оказался принят за мента. Но менты, сука, как крабы – всегда ходят парочками, а тут один.

– И хера ль тебе надо, – пробурчал я под нос и постарался обогнуть позднего прохожего по дуге. Не удалось.

– Мне бы немного вашего огонька, – поделился хрен в

стильном пальтишке и с видневшимся галстуке. И для чего-то стянул перчатки, эдакие черно-эсесовские перчатки.

А я не придумал ничего лучше, чем протянуть ему жигу. Пальцы, коснувшись ладони, обожгли холодом, тут же сменившись настоящим пламенем. Потом стало больно, ведь эта сука схватила мое запястье до хруста и, не дав ничего не сделать организму, утомленному алкоголем, второй рукой вцепилась в горло. Я захрипел, дурно раззявив рот и уставился прямо в его глаза.

А те полыхали пламенем, разгораясь алым все сильнее. Тут-то я и отключился.

– Охренеть... – сказал я сам себе через пять минут, сидя на заднице в переходе. – Охренеть.

И тут меня подняло и потащило в сторону моего же дома, хотя, помнится, до сигарет так и не добрался. Потащило с спринтерской скоростью, преодолев половину перехода за несколько секунд.

«Беги, раб! – полыхнуло в голове. – Беги!»

Испугался ли тогда? Да я бы обмочил свои «ливайсы», если бы эта тварь, сразу вспомнившаяся, не рулила мной как куклой, как-то оказавшись внутри.

– Пошел ты нахер! – заорал я и попробовал остановиться.

Меня скрутило в три погибели, до хруста позвонков и боли почти рвущихся мышц с сухожилиями.

«Бегом, раб! – звенело в голове. – Бегом!»

Нам обоим, катающимся по бетону, не пришлось никуда

бежать. Пять минут назад слова «боевые маги» казались мне чем-то из разряда глуповато-пафосных сказок для взрослых. Оп, с трех сторон, влажно разорвав пространство, разом открылись те самые ярко светящиеся порталы из игр. Выскочившую шестерку, работающую совершенно по-ментовски парами, мой наездник встретил во всеоружии и настоящем облике... Черного, воняющего серой и тухлятиной, демона, изукрашенного рогами, шипами и наростами, скалящего крокодилью пасть и следящего за ними сразу двумя парами глаз. Когда один, развернувшись в вытянутой впадине, уставился на меня с явным обещанием пожрать не только тело, но и душу, стало страшно. Не, не так.

Жутко. Дико и безысходно жутко.

Мне почти повезло. Шестеро личностей, мужчины и женщины, знали свое дело туго. Магия, с трудом справляющаяся с защитой от нее здесь, у нас, развернулась во всю Ивановскую.

Чертового беса исхлестали плетьюми-молниями, стреножили огненной сетью и желали добить огромной кувалдой, выросшей в руке тонкокостной мелкой девчонки лет семнадцати-восемнадцати. Она почти успела, когда черно-рогатая мразь, разодрав сеть, скакнула в портал, по дороге прихватив меня за шкуру.

– Очнулся. – мрачно заключил кто-то в белом халате и отошел, пропуская к моему телу еще кого-то.

«Кого-то» оказалось трое. Здоровенный мужик в кожаной летной куртке и шляпе, второй, такого же роста, но тощий и усатый. И красивая женщина неуловимого возраста. Общим у них оказалось одно: все рассматривали меня также, как я любовался щенками да котятами в зоомагазине, сидящих в стеклянном ящике.

– Как тебя звать мы уже знаем, – заявил усатый, – отправить назад не сможем. Блэкстоун разодрал Пространство своим порталом и, уходя, оставил несколько проклятий-капканов. Вопрос простой, сынок – какого черта нам с тобой теперь делать?

– Отпустить? – робко поинтересовался я.

– Это проще всего, – фыркнул усатый, – иди куда хочешь. Только тебе придется худо. И недолго.

– Почему?

– На тебе метка, Блэкстоун зацепил тебя ей. И не только ей. – сказала женщина. – Ты не помнишь, что было в переходе?

– Он мной командовал.

– Ты идиот? – спросил усатый.

– Он не понимает, – ответила за меня женщина, – в переходе между мирами, что было там? Хотя, уже понятно, что ты не помнишь.

– Тебя взяли с собой чтобы перекусить, – хмыкнул молчаливый бородач, – а ты не дался и даже смог...

– Ему это знать не нужно. – одернула бородатого непонят-

ная красotka. – Но мы ему благодарны. Уильям, определи нашего гостя к делу, что явно его.

– Это какое? – почему-то разозлился усатый Уильям.

– Он остался жив в переходе и с демоном, – вздохнула моя доброжелательница, – как думаешь, чем ему заниматься в городе? Тем более, теперь он точно один из нас.

Город оказался сразу в двух ипостасях. Нью-Йорком тридцатых...вернее, что-то типа того. И Ночным, полным совершенно нечеловеческой жизни и ее представителей.

Та женщина носила имя Майан, входила в Ковен, тесный круг Других, ведьм и ведьмаков, представляющих людей в Договоре со Старыми. Мистер Уильям Каттинг заведовал СиКей, Службой Контроля, чертовой смесью ФБР, прокуратуры и спецназа, следящей за Договором и его сторонами. Бородатого звали Карлом и больше мы с ним не виделись. Жаль, говорили, именно он смог справиться с Блэкстоуном, вывалившимся сюда. Дядька был одним из тех самых боевых магов, обычно почти не встречающихся.

А, да: как они разобрались в моей принадлежности к ним? Все просто. Я простой русский Лёха Воронин, заслуженный офисный менеджер, к своим тридцати знать не знал даже английского. И, оказавшись в Ночном городе, понимал и разговаривал на общем, понимаемом всеми. Вот такие дела.

Дальше все завертелось куда там центрифуге летчиков-космонавтов. 13 участок, стажер-патрульный, просто патрульный и, совершенно неожиданно, взбесившийся Ры-

жий Смитти. Бешенство Смитти вылилось в кровавый след, но тогда никто не понимал – кто его оставил. А я...

Хренов Блэкстоун, оставивший на мне метку, явно оставил что-то еще. След Смитти, не замеченный никем, кроме меня, привел к этому ублюдку. Было жарко, даже чересчур, и именно тогда решил завести не 38 «полис-специал», а что-то круче и ядренее. Но я справился, правда, снова оказался в том самом госпитале, где очухался после перехода.

Вернувшись на работу – получил значок детектива. Вот и всё. Ничего необычного.

– Кроу! – каркнул Абак. – Просыпайся, приехали. Я есть хочу!

Глава третья: поганый лях, еврей-бабник, наводка и поцелуи со сплетнями

Кофе, не иначе, как придумал сам дьявол. Ничем иным не объяснить странную привязанность к нему, с каждой чашкой убивающему твой желудок с сердцем. Если глушить литрами, конечно. Когда-то, еще Дома, мне нравилось писать глупые блоги, козыряя фразой про выдумщика из Преисподней.

Здесь и сейчас порой нужно хорошенько взвесить слова, прежде чем произнести. Мало ли?

Кофе в закусочной оказался неплох и приятно горчил. Редкое дело – найти здесь именно хороший кофе, с привкусом молотых и крепко обжаренных зёрен. Чаще попадает-ся едва пахнущее варево, густо сдобренное молоком, сливками, сахаром до состояния приторной сладости. Его даже не хочется звать «он», наплевав на правила и обзывая оно... Местное кофе, чаще всего, оно. Едва пахнущее какой-никакой прожаркой варево, густое от ненужного сахара.

В забегаловке, обычно принимавшей таксистов, водителей грузовиков, фермеров с деревенщиной, едущих в свой Джерси, кофе оказался на высоте. Как и все остальное.

Блинами называть здешние панкейки – просто грешно. Хотя, в целом, весьма неплохо, особенно убрав кленовый си-

роп и попросив самых обычных сливок. Добавь сахара и наслаждайся. Абаку было все равно, Ворон закидывал один за одним, поливая чертовой патокой, окуная в мой молочник и даже, порой, густо перча. Черный клюв ритмично двигался, блинчики исчезали, а Ворон совершенно не менялся во взгляде. Гипнотизировал чернокожего паренька за стойкой, смотрящего на нас, единственных посетителей.

Не знаю, кем Ворон ему казался, но явно не самим собой. Иначе, думаю, мы с Абаком услышали бы удаляющиеся вопли, едва только зайдя. Нет, а как еще, когда в твою забегаловку вваливается огромный ворон, ходящий на лапах и дымящий сигаретой?

Но Абак был Вороном, а Вороны умеют многое. Так что мы сидели, ели, пили и дымили. Никаких законов, ограничивающих табачный дым тут не знали и в помине. Сигареты – яд? С вами все в порядке? Тут курили все, вот только табак тут был именно табаком. Хотя главное различие мира, куда меня затащил Блэкстоун, само собой другое.

Магия.

Можно называть само явление как угодно, суть не меняется. Она повсюду, скрытая от большинства обычных людей и порой недоступная даже Старым. Верно, не все Старые владеют магией, хотя частенько являются ее порождениями.

Магия здесь – ресурс. Трудно и редко восполняемый, имеющий критически-точный объем и свыше него магии не случится. Когда уходит в небытие кто-то из магического наро-

да, то крупницы достаются остальным, прочее – растворяется в ней, текущей в мире невидимо и неслышно. Потому в этом мире так мало настоящих волшебников, магов, ведьм и прочих кудесников. Ведь когда на свет появляется новый малефик – свободной магии становится еще меньше.

Это и спасло от порабощения сам мир людей. А ещё – разрозненность самих Старых, порой по-детски чванливых и глупых, совсем как дворяне или политики с кинозвездами. Про Войну Договора мне говорили неохотно, чужакам не сливают тайны, а чужака во мне чуяли все жители Ночного Города. Даже люди.

Договор между людьми, ведьмами с чернокнижниками и частью Старых, особенно хитрых приспособленцев-дворфов, мог бы уничтожить древние народы. Мог, но он, заключенный как мера противодействия против союза нечеловеческих существ, их же и спас. Поселил в резервации, заставил носить невидимый ошейник, но оставил в живых. Сталь, порох, паровые машины и мастерство дворфов почти помогли людям стереть Старых в порошок. Но...

Но вот я сижу в кафешке у тоннеля Хобокен, курю «Лакки», пью вполне приличный кофе и смотрю, как Ворон уничтожает уже третью порцию сраных блинчиков.

– Слишком много думаешь, Кроу, – каркнул Абак, – и не о том.

Надо же, огромный грач учит меня жизни.

– И о чем я думаю?

– О ненужном. Загонишь себя, Кроу, нужно иногда отдыхать. И не надо пытаться понять принадлежащее не тебе. Живи себе, служи, и не лезь разбираться в наших делах.

Говорю же – чужак, пусть с жетоном и стволами под пальто.

– А если решу разбираться, помешаете?

Иногда меня так и тянет провоцировать Старых. Их заносчивость с чванливостью для меня – как валерьянка для кота, так и тянет прикоснуться и потом прыгать как ужаленному, крутиться клубком и орать дурным голосом, нарываясь на неприятности.

– Не ссы в трусы, родной, – Абак решил поделиться мудростью, – ворон вороне глаз не выклюет.

Загадка и как-бы оскорбление в словах поддержки, представляете? Нет здесь таких поговорок, но Абак рубит ими постоянно. А ворон с вороной?

Я как-то не думал о своем новом имени, когда меня вытурили из госпиталя и направили в 13 участок. Ляпнул сразу про Кроу и только потом понял, мог бы стать Рейвеном, например. Рейвен, с английского, и есть ворон. А Кроу – ворона. В моем далеком детстве старшие порой ставили фильм про парня, вернувшегося с того света для мести со справедливостью. Так вот он назывался «Ворона», хотя старшие обижались на меня, малолетку, учившегося в английской школе и говорящего правду. Обижались и продолжали называть «Вороном».

Вот и этот туда же...

– Твой Межинский точно имеет что сказать, – продолжал удивлять Абак, – поговори с ним.

Я, надо полагать, еду в «Тихий Лес» исключительно пообщаться о том, о сем?

– Не растрать пыл зря, Кроу. Нужно отдыхать и ставить верные цели.

– Ты повторяешься.

Абак не ответил, опустив на нос свои очки. Это у нас с ним сигнал такой, раз нацепил синие окуляры, то все – конец разговорам, пока сам первый не начнет.

– Наелся?

Думаете, Ворон молча встал и ушел без благодарности? Вы не ошиблись.

До «Тихого леса» десять миль тихим проселком, с вязами, грабами и гикори. Грабы не должны тут расти, но Ночной город умеет удивлять, даже если речь про одного единственного польского эмигранта, сумевшего заселить имеющий лес взрослыми красивыми деревьями.

Правильно говорить Межинский, ударение на «е». Наш шляхтич имеет древние корни, гордится ими и всем видом порой подчеркивает – я вам не чета. Сложно спорить, Америка страна свободных людей, каждый ведет себя как хочет. Ворон не стал бы просто так говорить о нем, значит, меня впрямь может ждать удача. И это хорошо.

Солнце вскарабкалось на небосклон, но так и не выбра-

лось из-за низких туч. Осень вступала в права все сильнее, показывая ужасный характер. Никакого золота с багрянцем, только мокрые от мороси желто-красные листья, вот и все.

Желтое и красное прекрасно сочетаются в огненно-рыжий. А это уже опас...

– Мама!

Вопль прилетел из-за поворота, куда мне и нужно. Высокий, яростный от боли, скрывающемся в нем. Кричал кто-то взрослый, а взрослые зовут маму не так часто и, к сожалению, частенько перед смертью.

Черт, что-то мне подурнело... Вопли перешли в неразборчивые, с акцентом на «а-а-а» с влажным звуком раздираемой плоти. Если бывали в мясной лавке, наблюдая за работой мясника, разделяющего тушу, то не перепутаете. Например, прямо сейчас кому-то, хрустко и быстро, вырвали из сустава конечность.

Меняхватило на несколько секунд и ровно две глупости. Секунды потратил на размышления, а глупостями оказалось высунуться из-за угла и собственное оружие. Меня заметили, а мощности револьвера «полис-спешал» против рыже-красно-бледной громады, ринувшейся на меня, тупо не хватило.

Тварь, смахивающая на циркового медведя, привыкшего ходить на задних лапах, даже не рыкнула на попадания. Только прикрыла ручищей голову и оказалась рядом в два

прыжка.

Было жутко больно. А как еще, когда почти звериные когти вспарывают бок, тянут на себя и швыряют внутрь проулка-тупичка? Вот так, никакого геройства и подвигов. Как же вышло, что я жив, здорово и даже цел? На то имелось целых три причины.

Рыжий Смитти подхватил вендиго. Да, злобного вечно голодного духа, вселяющегося в людей. К моменту, когда я напоролся на чудовище семи футов ростом и рвущее людей руками, Смитти уже был мертв. И вместо, пусть неприятного, боксера-тяжеловеса – меня атаковал неупокоенный мертвец. А старший детектив Макнамара ошибся, приписав все убийства в Бронксе кому-то из немногочисленных оборотней Ночного города. И бросил все силы на них. Это причина первая.

Джон Доу, охотник за головами и мастер в убиении нечисти, гастролирующий по всем Штатам, быстро смекнул что к чему и приперся в Ночной город угробить тварь. В его пятизарядном карабине имелось пять пуль из мертвячьих пальцев, залитых серебром. Доу отыскал вендиго, пока детективы искали лохматых злых тварей, разбежавшихся по окрестностям, а мне, как патрульному, Макнамара был неуказ без одобрения Кэпа. Доу отыскал вендиго и из-за случайности погиб первым, успев заорать «мама». Это причина вторая.

Чертов Блэкстоун и его непонятный подарок, случившийся в переходе между мирами, не дали мне умереть от боле-

вого шока и не потерять сознания, когда шлепнулся прямо у карабина Доу. И все пять зарядов ушли в цель, отправив вендиго к чертовой матери, а Рыжего Смитти, после осмотра его нашими коронерами и экспертами – в топку при участке. Такая вот причина номер три. И, на самом деле, никаких подвигов, чистое везение.

Но как же было больно...

– Эй, большевик краснопузый, утомился искать злодеев? Не поверишь, насколько сильно мне хотелось выдрать лист из записной книжки, скрутить и воткнуть тебе в ухо, чтобы поджечь. И посмеялись бы, и накопившаяся сера вытекла. А ты проснулся.

Ха-ха-ха, как смешно.

– Иди к черту, лях поганый.

Межинский не оскорбился. Мы с ним частенько общались на одной волне. Не знаю, порадовался ли он моему приезду, но вышел встретить лично.

– Уважаемый Ворон, не желаете кофе?

Значит, я все же заснул, в черт пойми какой раз просмотрев свое незабываемое знакомство с фауной Ночного города. Да... такое не забудешь.

Я прикурил, нащупав сигарету с зажигалкой.

– Кроу, глупый ты чекист, ты убьешь сам себя, ты в курсе? – Межинский, не отходя от машины, все похохатывал.

– Пше очень неприятно.

– Не умеешь пользоваться самым красивым языком нашего мира, так не суйся. Пойдем, поговорим, ты же не просто так приехал?

Да, не просто так.

Я выбрался, глядя на него, как всегда в аккуратной тройке, с галстуком в тон жилету, с аккуратным пробором, офицерской выправкой, породистым лицом и ухоженными усиками. Усики, на мой взгляд, были чересчур блестящими, но кого волнует мое мнение?

Межинский приглашающе махнул, уступая дорогу. Абак уже скрылся за тяжелой дверью клуба и мне стоило поторопиться. Неизвестно, сколько я спал, но солнце подбиралось к зениту. Прав Ворон, стоило больше отдыхать.

– Информация? – уточнил, с места в карьер, Межинский.

– Да. Ритуальное убийство, тело нашли в Маленькой Италии, в подвале-холодильнике Тони Бритвы.

– Он расстроится, когда узнает.

Конечно, расстроится. К его делам мертвую красивую секретаршу не пришьешь, но осадок из-за ублюдков, загадивших кровью его собственность, пока сам Тони за решеткой ждет суда... Я бы точно расстроился.

– Считаешь, я что-то знаю?

Я даже не смотрел на него, чтобы определить эдакую поганенькую фирменную ухмылку.

– Очень уверен в этом.

Межинский не ответил и приоткрыл дверь. Человек вос-

питания, что и говорить.

Межинский считал меня русским с первой встречи. Мы даже вместе подрались из-за его непонятого благородства, подрались с небольшой бандой так себе Старых, сильно разошедшихся и чуть нас не победивших. Чернокнижник и странный ублюдок, сумевший не погибнуть между мирами, схваченный демоном против совершенно странных жителей Ночного города. Если бы не патрульные, хана бы нам, ведь Межинский весь из себя благородный. Мы умылись, понаблюдали за ссадинами, проходящими на глазах и как-то за-уважали друг друга.

Межинский сразу начал именовать меня «большевиком», «чекистом», «комиссаром» и прочими эпитетами. Я, кроме поганого ляха, ничего не мог придумать, а Межинский, обычно, криво хмыкал и не обижался.

В большем зале «Тихого леса» оказалось прямо пустынно. Зеленели красивые длиннолистные пальмы в кадках, выюнок оплетал темные стропила потолка и такие же колонны, начищенный паркет блестел, скатерти резали глаз белизной и над всем царством респектабельности мягко плыли звуки рояля. Живые, не записанные на пластинку джук-бокса или идущие по ти-ви.

Да, в углу, выключив звук, скучал какой-то тощий тип в очках и с самым настоящим орлиным профилем. Звук он выключил у напольной махины «Зенита», блестящей красным деревом панелей и латунию уголков. Техническая рево-

люция пошла тут странным путем, одновременно совместив вполне себе катающиеся паровозы и телевидение.

– Людно, смотрю...

– Вечером появится народ, – хмыкнул Межинский, – официанты с ног сойдутся, а Эмилию совершенно не захочется что-то играть.

– Он, смотрю, в хорошем настроении, исполняет печальное?

Межинский странно кхекнул и показал на стол в дальнем углу.

– Присядь пока там, подойду.

Если приехал за информацией к уважаемому человеку – следуй его правилам. Тем более, дальний угол хорошо прятал все лишние звуки, кроме совсем небольшого и специально сделанного оконца в малый зал. Обычно там усаживались телохранители серьезных людей, собравшихся обсудить что-то за обедом, через него те присматривали за боссами. Как в таком случае можно кого-то охранять – было для меня тайной, но такой, ненужной.

Усевшись и ожидая хозяина, я посматривал на экран «Зенита». Показывали новости, и в них всю демонстрировали Родину. Ну, как Родину? Немного незнакомую.

Выступал премьер-министр. Здесь, после закончившейся Великой войны, императорская семья оказалась самой настоящей ширмой и установилась демократия. С, само собой, партиями. К самой серьезной из них, «красной», Межин-

ский меня и относил. К ней же относился премьер, беззвучно и жестко вещавший с экрана.

Надо же, насколько порой бредово и реалистично мешается порой совершенно несовместимое. Премьер мало чем отличался от себя самого моей настоящей истории. Темные густые волосы с проседью, щетка усов, френч военного образца. Наверное, в каком-то кармане лежит трубка. Казалось бы – какое мое дело, это не мой дом, но становилось немного страшно за будущее. Кусок его уже был определен.

Ведь Эмиль, компаньон Межинского, чернокудрый австрийский еврей, бежал из страны из-за нацистов. Эти тут тоже имелись, к сожалению. И вот от такой параллели и становилось страшно.

– Сейчас принесут кофе. – хозяин сел за свой стул и устался на меня.

– Как тетушка?

Межинский поиграл бровями и вздохнул:

– В очередной раз оскорбилась на мое нежелание жениться, дуется в городской квартире и не показывается. Когда появляюсь сам – горько вздыхает и очень медленно пропадает из виду.

Ради приличия пришлось грустно покивать. В конце концов – не у каждого есть такая тетушка, как у Межинского.

– Ты слышал о той девочке?

Межинский кивнул.

– И сможешь помочь?

Опять кивок.

– И...

– Подожди. – Он принял у официанта кофейник, чтобы собственноручно налить мне еще одну проклятую чашку проклятого кофе. Хорошо, хоть здесь его варили просто прекрасно.

– Чего ждать?

– Ответной услуги.

Редкий случай, когда мне захотелось прописать ему тумаков. И дело вовсе не в сомнениях насчет собственных сил и результата. Просто...

У меня нет друзей. А этот хитрый поляк хотя бы подходит на роль собутыльника, собеседника и сопереживальщика. Хотя сопереживать моим терзаниям насчет тяжести службы Межинский не спешил. Видно, ему самому в свое время немало досталось.

– Какой?

– Я еще не придумал. – признался клятый лях. – Давай просто поговорим. Мне совершенно не хочется, чтобы наши отношения превращались в какой-то тупой бизнес. Я тебе сливаю интересные вещи, зарабатывая хлипкие дивиденды на будущее, когда, возможно, мне потребуется твоя полицейская помощь. Давай поговорим.

– Твою... – я закурил, а «Лаки» оказавшись в уголке рта, начала потрескивать, плюя искорками.

– Не нервничай. – посоветовал Межинский. – Всему свое

время. Тебе нужна информация о смерти той глупышки, оказавшейся невовремя не в том месте. Я могу ее тебе дать, потерпи.

– Откуда тебе что-то известно? Про запас собирал?

Межинский ухмыльнулся. Как всегда – фирменно.

– Друг мой, я всегда коплю все про запас да на черный день, золото, патроны, водку и, конечно, секреты с информацией. Поверь мне, выходцу из несчастной Польши, это полезно всегда и всем. Даже самым отпетым большевикам вроде тебя. Я же знаю, что когда тебя прижмет, ты появишься тут и скажешь – Межинский, ты же шляхтич, ты должен помочь другу! И я отдам тебе последние злотые, веру в себя и почти жизнь, оставив лишь фамильную саблю.

– Скучно тебе?

– Очень. Вот, правда, веселье за стеной.

И он показал на оконце, что с той стороны выглядело зеркалом. Явно желал, чтобы я глянул и оценил. Я глянул.

Женщины. Самые обычные горожанки, правда, почему-то наполовину разбавленные настоящими сельскими жительницами. Это заметно сразу, даже если нацепить платье модного цвета «бордо», все равно поймешь. Прикрой широкие плечи боа, натяни перчатки, настоящее проступит, как не прячь.

Как говаривала Сейди, секретарь Кэпа, гранд-дама всего Участка и внучка своей мудрой бабушки, говорила, цитируя её, великолепнейшую миссис Раневски:

– Прежде чем пользоваться красным лаком, девочки, сперва ототрите пемзой свои пятки.

Именно, захотелось мысленно согласиться с источником мудростей для своей внучки, Кэпа с его женой и всего 13 участка. Именно, девочки, пусть и не пятки, но оттереть стоит. Или просто быть самими собой, не корча дам полусвета там, где не стоит.

– Это кто?

Межинский, перегнувшись через стол, конспиративно прошептал:

– Сплетни и поцелуи, мой друг комиссар, сплетни и поцелуи.

Надо же... «Сплетни и поцелуи», они же «Пинк-маг», самый популярный еженедельник города, недавно перешедший в формат три раза в неделю и выдающий на-гора самые востребованные литературные шедевры окружавшей меня современности. Пухлый бульварный журнал, упакованный в обложку вырвиглазных оттенков лилового, украшенную томными красавицами в мужественных объятиях суровых и настоящих мужчин с статью античных эфебов с кентаврами.

Проще говоря – любовные романы. И не просто любовные романы, а от домохозяек.

– Знаешь? – почему-то удивился Межинский.

Пришлось изобразить странную фигуру пальцами. Да, знаю. Почему? Пока не скажу, всему свое время.

– И кто тут кто?

– Смотрю, мсье знаток? Даже не подозревал.

– Я их не читаю. И «Мечи с карабинами» тоже не читаю.

Но знаком, да... По долгу службы.

«Мечи и карабины», полная противоположность «Сплетням и поцелуям», журнал для мужчин, гордо именующий сам себя «серо-стальным», под цвет обложки, а среди газетчиков пользующийся определением «голубой».

– Ну... – Межинский прищурился, явно вспоминая посетительниц. – У них тут собрание, вроде Ковена на Лысой горе. Заказали малый зал за неделю, самые популярные авторы, как всегда – раз в месяц собираются, перебивают кости, когда другим, когда друг другу, планируют – против кого дружить дальше и, конечно, обсуждают высокое.

– Литературу?

– Можно и так сказать. В основном – межличностные отношения.

– А-а-а... мужиков, что ли?

– Ничего от тебя не утаишь, на то ты и детектив, большевик. Вон, видишь, Кейт Карриди, очень популярна.

– Вон та милая бабушка?

– Бабушка разве не женщина?

Мне даже стало стыдно.

– Элеонора Оссетин, эмигрантка с твоей красной родины. Обожает писать настоящее порно, потому скрывается под псевдонимом, считая, что так ее не привлекут, если что. А вон мисс, или миссис, Грин. Искренняя домохозяйка, веру-

ющая в светлую любовь в четвертом браке. И...

– Хватит. Посмеялись и хватит. Вон тот, в очках, в общем зале, ревнивый муж кого-то из дам, либо поклонник, ждущий автографа.

Межинский едва сдержал смех.

– Это Д. Черри, автор «Сплетен и поцелуев»... Под псевдонимом, конечно.

Я кашлянул и решил не продолжать.

– Тебе нужен мальчишка-разносчик, продавец китайской лапши, само собой китаец, – вдруг сказал Межинский. – Его ищут, ищут умело, но те, кто хочет, все замечает. Найди его, так получишь ответ на вопрос по девчонке. Он видел кого-то и понял – что этот кто-то... либо эта, чересчур страшно для него.

– Ты уверен, что китаец?

– Да.

Черт...

Зачарованные странники-1

– У нас тут копов не особо любят, – борода, так и желавшая ткнуть мне в глаза с высоты своего хозяина, рокотала, воняла чесноком, колбасками и пивом. Пивом воняло сильнее всего.

– Говорю, не любят у нас тут копов!

Троица за спиной зафыркала, захихикала, закашляла, подтверждая слова громилы, высившегося надо мной. Особенно старался бородавчатый, смахивающий на кабана, вставшего на ножки, тип ярко-желтого цвета. И знай себе похрустывал четырехпальными ручищами, гоняя между пальцев-кочерыжек нож.

Когда я только-только приходил в себя, оказавшись в Ночном, мне дали совет. Модных в начале 21-го века психоаналитиков тут не наблюдалось, а если и наблюдались, то уж точно не для обычных патрульных. Обратись патрульный к таким докторам, жалуясь на дискомфорт с депрессией, так провести ему в психушке не меньше календарного квартала. И на увольнение, само собой, точно вам говорю.

Но совет мне все же дал смый настоящий врач, пусть и просто терапевт из госпиталя, присматривающий за моей тушкой все время, что там лежал. Так мол, и так, ведите дневник, уважаемый мистер Кроу, обязательно поможет в

вашей непростой ситуации.

Угу. Дневник, блин.

Вести дневник, как мне кажется, дело правильное. И вот только не надо рассказывать о, мол, женском занятии. Всякие там значимые величины философии, науки, искусства и прочая, вели дневники. Им еще везло, они жили в свое время в своем месте. Не то, что я.

Тут накатывают сороковые, чуть иные, чем у нас, но сороковые. Костюмы, шляпы, галстуки, сигареты без фильтра, джаз, уходящий в небытие и наступающий блюз, лакированно-хромированные авто, движение эмансипации, почти полное отсутствие Джима Кроу на Севере и он же всюду на Юге, настоящие ткани, настоящая еда, настоящий табак и много остального настоящего.

Окажись среди такого и попробуй не свихнуться... Мне пришлось, вроде бы нормальный. И ведение дневника вполне себе помогает, разряжает нервы, снимает нагрузку. Только вот дневник этот веду в голове, точно вам говорю. И считаю это правильно, а то еще найдет кто-то, воспользуется...

Серое и черное, темно-серая рубашка, черные брюки. Когда непогода или прохладно – не особо длинный плащ, зимой – куртка на меху. Мне даже довелось её немного поносить. Ботинки, само собой, с толстой не скользящей подошвой и усиленными носками.

Фуражка с кокардой и чехлом, если дождь или снег. Широкий ремень с гнездом для дубинки, карманом под наруч-

ники и кобурой с портупейным ремешком через плечо. Ре-
вольвер, значок, блокнот и ручка для записей. Фонарей на
батареях, небольших и удобных, пока все еще нет... у
обычных копов. У нашего патруля – имеются, пользуемся.

Три месяца обучения после госпиталя, присяга, ленивый
взгляд капитана и очень внимательный сержанта Галлахера,
принявшего в свое стало новую овцу, то бишь меня. Нагруд-
ный жетон, напарник, старый-добрый Маккинли и вперед,
на улицы.

Так вот все и случилось.

Ни о какой уютной квартирке, где живу сейчас, даже не
думал. Платили нам неплохо, но и цены в Большом Яблоке
кусались даже в тридцатые прошлого века и совсем другой
реальности. А я... а я привыкал, как мог. Даже живя в самом
настоящем общежитии, где мне выделили комнату от щед-
рот управления.

Рукомойник, солдатская койка, стол и полка для книг,
одежный шкаф, тумба. Роскошные апартаменты, на самом
деле, особенно после первых рабочих дней.

И улицы, моя самая настоящая школа в Ночном городе.

– Вон, видишь лавку! – Маккинли тыкал дубинкой в сто-
рону сразу десятка как-бы магазинчиков, выходявших кро-
хотными фасадами на улицу. – Там такой красно-белый зна-
чок еще, там можно покупать продукты спокойно. Людям
они подходят, даже когда морепродукты завозят. Но с ними

будь аккуратнее.

– А в остальных?

– А в остальных не бери, обсчитают попервости, подсунут тухлятину или дерьмо какое, вот и все. А лавки со значками дворфские, они сами пожрать не дураки, Договора придерживаются и с нами ведут себя нормально. Ну, если можно, так сказать.

– Спасибо.

Маккинли и я выходили в ночную смену, в самое наше время. Днем патрульных на улицах Ночного города имелось раза в четыре меньше и служившие там считали себя счастливыми. Я не спорил и старался разобраться в своей работе.

– Здесь постоянно живут эмигранты из Старого Света, – Маккинли показал на вытянутое мутное оконце, украшенное чем-то, смахивающем на разноцветных червяков. – Это вот с Балкан, черт пойми кто такие, смахивают на кобольдов, но какие-то чересчур длинные. Торгуют специями, экзотическими фруктами и корнями. Не успели приехать, стали популярными, как их тут ждали. Вон там, гляди, сельская лавчонка, дриады из Джерси, живут при магазине, меняются. Заболеешь – можешь к ним сходить, дорого, но лечат хорошо.

– А вон аптека.

– Да, видишь, там знак Трисмегиста.

Знак Трисмегиста, помня по курсу перед патрулем, смог

рассмотреть почти сразу. Сложная идиограмма, тончайший литой круг, вертелся на шнурке рядом с колокольчиком.

– Там тоже недешево, но лекарства патентованные и действуют сразу. Но просто так ничего не бери, если не разбираешься.

Маккинли не любил Ночной город, не любил всей душой, но я понял это только потом. Не знаю, как он оказался в 13, знаю одно – все Старые и Иные для Маккинли делились на воров, жуликов, убийц и просто подонков. И, конечно, уродов, уродцев, страхолюжин, богопротивных тварей и самых настоящих демониц, не говоря о ведьмах.

Через год, заведомо зная о осенней простуде, шел к большеглазым темнокожим дриадам, спокойно покупая мешочек с тугими плетеными шариками. Каждый заваривался на ночь и пился с утра, настоявшись и никакого сезонного гриппа с бронхитом.

Ореховые глаза девочек совершенно не отражали желания обмануть человека, впаривая ему всякую ерунду, темная кожа и волосы с уловимым зеленым оттенком совершенно не казались странными, а когда они начинали хохотать, а смеются дриады по самому глупому поводу, смех рассыпался колокольчиками, заставляя веселиться вместо с ними.

Дриады, легко снимающиеся с места после вырубки лесов в старушке Европе, переселились сюда давным-давно, радуясь миллионам деревьев, кустарников и прочей зелены. Города им не нравились, но города позволяли вести торговлю,

да так прибыльно, что девоньки никогда не отказывались от своих смен в Ночном.

– Кроу, приедешь на Равноденствие?

О, да, это было их какой-то спортивной целью, не иначе, или предметом спора... Зазывать меня на свои пляски у зеленого холодного пламени дриады начали на второй месяц знакомства. Если бы не предупреждение сержанта, каким-то образом узнавшего про это, может и отправился бы...

Ночной город раскрывался через такие вот мелочи, через этих девчонок непонятно-молодого возраста, с темной, как крепкий чай, кожей, с зеленоватыми волосами, спадающими на плечи густыми волнами. Они блестели мелким белым жемчугом зубов через совсем темные губы, блестели своими ореховыми глазами и, как будто случайно, нагибались, помогая отыскать товар на нижних полках и демонстрируя самую обычно-человеческую женскую красоту в глубоких вырезах.

Ночной город раскрывался через лавку с красно-белым значком, где, совершенно неожиданно, можно было приобрести самый негаданный товар. Настоящий английский бекон, свежие маслины с оливками, итальянскую ветчину-поркетту, испанский херес, французский коньяк, кубинский табак, болгарскую брынзу, швейцарский шоколад, кофе в зернах и разного вида помолы, да хоть свежайшую краковскую колбасу кольцами, еще пару дней назад свисавшую с потолка коптильни какого-то Яцека или Януша.

Ночной город показывал себя в круглосуточных забега-

ловках, где рядом с тобой, пьющим кофе, наливались пивом те самые кряжистые низкие дворфы, державшие в своих районах фабрики и заводики. Неподалеку от них легко размещались черные и кудрявые парни, не прятавшие небольшие рожки под снятыми кепками со шляпами. Женщины Ночного города, то совершенно не отличимые от обычных, то, наоборот, не казавшиеся людьми совсем, вели себя совершенно иначе, чем горожанки Нью-Йорка. Среди них, так-то, я чувствовал себя почти как дома.

Из-за такой вот ностальгии, получаемой среди компаний зачарованных странников, чьи пути сошлись в Ночном городе, в первый раз попал в неприятности. Чужой опыт никогда и ничему не учит, а копам ходить по одиночке не стоит, у жителей Ночного города хорошая память и им вовсе не нужно видеть тебя в форме, чтобы узнать.

– У нас тут копов не особо любят, – борода, так и желавшая ткнуть мне в глаза с высоты своего хозяина, рокотала, воняла чесноком, колбасками и пивом. Пивом воняло сильнее всего.

– Говорю, не любят у нас тут копов!

Троица за спиной зафыркала, захихикала, закашляла, подтверждая слова громилы, высившегося надо мной. Особенно старался бородавчатый, смахивающий на кабана, вставшего на ножки, тип ярко-желтого цвета. И знай себе похрустывал четырехпальными ручищами, гоняя между пальцев-кочерыжек нож.

Дело принимало нехороший оборот, кроме кулаков у меня ничего не имелось, борода, по факту, принадлежала совершеннейшей горе мускулов и жира, густо покрытых черной шубой, лезущей через одежду и что оставалось? Принять бой в одиночку, что же еще...

– О, смотрю, новичкам тут не рады, верно, панове? Хотелось бы добавить, что в особенности не рады клятым москалям, но вряд ли вы подозреваете национальность этого новичка-легавого – донеслось из-за спины.

Глава четвертая: Маленький Китай, старый убийца и пара разбитых носов

Вместо Ворона, за его столиком, меня ожидали три чашки с гущей на доньшках и пустой кофейник. А еще, написанное пером и где-то найденным джемом прямо по белой скатерти, предупреждение – «Надо уехать».

Абак свалил, забрав машину и совершенно забив на мои потребности. Старые, что с них взять, какое им дело до моих мелких человеческих нужд, верно?

– Штопаный гон...

– Ай-ай, большевик, остановись! – Межинский похлопал меня по плечу. – Не стоит хулить Ворона, дороже выйдет. Вороны разбираются во многом, включая пространство.

– И время?

– Наверное, сам спроси у кого-то из их ребят.

Действительно, стоило подумать самому, это же просто – взять и распросить кого-то из Воронов про их отношения с временем и пространством. Чертовы пернатые ублюдки, включая кинувшего меня водителя.

Вопрос сейчас один – как выбраться в город? И...

– Дамы еще не в полном составе, – поделился Межинский, – я скажу швейцару, чтобы не отпускал такси.

– Спасибо. Я выйду на задний двор, меня там найдут, не забудут?

– Не переживай. Выпей кофе, взбодрись.

Сволочная польская рожа, пусть и правая в своем предложении. Меня опять клонило в сон, вторые сутки на ногах... Или третьи? Да какая разница, ведь кофе как нельзя кстати. Особенно сатанински-крепкая смоль, выдаваемая клятым ляхом за кофе. Крохотный наперсток мейссенского фарфора с едва различимой пастушкой, гуляющей своих бяшек по лужайке. А в ней, тонкостенной, сожми сильнее и лопнет, чашечке – натуральный венский кофе.

Я приподнял шляпу, посылая благодарность Эмилию, бросившему мучить свой рояль рыдающими пассажирами и сварившего мне этот энергетик. Втянул запах носом, понимая – сейчас внутрь меня вольется живой огонь, отдающий солью, перцем, кардамоном, корицей и еще чем-то. И все это густое варево снова поставит меня на ноги.

– Как его романтические похождения?

Эмиль не любит обсуждать личную жизнь с кем-то, кроме Межинского, но любит интерес к своей персоне, обязательно спрашивая о себе, должном мелькать в разговоре.

– Применяет стратегический подход к какой-то очередной фемм-фаталь, роковой любительнице философии и авто.

– Серьезная смесь.

– Наверное... – Межинский усмехнулся. – Твоя, кстати, соотечественница. Очередная эмигрантка, прибывшая,

правда, через Японию. Эдакая дама полусвета, так сильно старающаяся казаться аристократкой, что сразу подозреваешь в ней обычную, пусть и высокого пошиба, этуаль, обожавшую флотских офицеров Тихоокеанского флота Его Императорского Величества. Да еще и кокотка, обманывает Эмиля о своем возрасте, молодясь.

– Что выдает?

– Коллоквиализмы, мой друг чекист, то есть характерные выражения, име...

– Я знаю, пан поручик, что такое коллоквиализм. Сдается мне, в данном случае речь просто о сленге, характерном для времени и места. Эмиль уже понял, что она старше заявленных лет где, минимум, на...?

– Десять. – Межинский пригладил усики. – Но зато их имена звучат просто в унисон... Эмиль и Эмили. Он любит свой рояль, писать философские эссе, пить сухое красное, а она обожает авто, скорость и набивать себе цену. Удивительно подходящая парочка.

– Да и ладно, лишь бы ему было весело. Я пойду, подышу воздухом.

Дышать воздухом и курить – созданы друг для друга. Даже небо чуть посветлело, залив деревья солнцем. Красиво, черт, канадские клены и березы, алое, багряное и золотое. Кофе подействовал, на заднем дворе стоял бодрый «я», готовый к свершениям и подвигам. Чайнатаун? Куда деваться, если необходимо...

Маленький Китай место непростое, как и его население. С ними, одновременно, проще и сложнее. Причина простая: они не делят два мира вокруг себя, они живут в одном. И там же, вместе с торговыми лавками, заправками, лапшой и опиумными курильнями, живут отшельники-даосы, легко разговаривающие с демонами, сами демоны и даже чертов Сунь У Кун, царь обезьян и сволочная скотина, любящая повеселиться в человеческом мире. Нет, я его не видел, только слышал байки.

А меня ждала встреча с Мен Хва, а это, скажу честно, настоящее испытание.

Мен Хва, живущий в Драконьем саду, самом сердце Маленького Китая, стар. Он помнит многое и многих, его память также велика как жадность, и также тяжела, как сотни фунтов дряблого жира, которым Мен Хва заплывает все больше.

Мен Хва не передвигается на своих двоих, ублюдка перевозит и переносит целый отряд желтокожих обломов, плохо владеющих языком, зато отлично знающих чертово кун-фу. Мен Хва просто самое олицетворение Маленького Китая, со всеми оттенками охры толстой кожи, сплошь усеянной гроздьями бородавок.

Ненавижу наведываться к Мен Хва. Только деваться некуда.

Движение между тонких берез я заметил не сразу. Но, увидев, даже не подумал потянуться за кем-то из моих сталь-

ных друзей, снаряженных для стрельбы. Во-первых, стрелять в настоящих хозяев этих мест чревато, некрасиво и бескультурно, и, во-вторых, покушаться на такую красоту – просто кощунственно. Иногда именно вторым эти стервы, проклятые белыми, и пользовались. Подходили к часовым, сторожившим лагеря первопоселенцев, к часовым, застывшим от изумления перед смуглой обнаженной красотой индейских ведм, подходили и спокойно перерезали горла, пропуская дальше мужчин с острой сталью и костью.

Никогда не называйте краснокожую женщину «скво», только если хотите обидеть. Скво отдавались белым за табак, виски и дешевые ножи с одеялами. А передо мной, все же не полностью обнаженная, стояла самая настоящая краснокожая колдунья. Шаманка, дитя Леса, то ли кажущаяся молодой, то ли ей являющаяся.

В городе их не было и никто не говорил о живших в Джерси. Но вот, протяни руку и коснешься темного лица, прямого носа и острых скул, струящихся волос цвета вороньего крыла и...

– Мне ничто не мешает выстрелить в женщину, – решил предупредить я, справившись с собой и уткнув «астру» прямо в её пупок. Ничем, к слову, не прикрытый и очень красивый, глубокий, ровный и... – Если та пытается применять ко мне ведовство. Прекрати!

– Хорошо, чужак. – Она улыбнулась. – Я хочу поговорить.

– Вот и не дури голову собой. Что ты хочешь и как меня

отыскала?

– Ворон подсказал.

Ворон? Абак?

– Другой Ворон, чужак.

Я известная персона, надо же, если она, явно не живя в Ночном Городе, знает Кроу. Впору загордиться.

– Говори.

– Мертвое Солнце опасно для всех. Помни об этом, чужак. И когда станешь искать зверя, убивающего в городе, помни об этом.

Мертвое Солнце, мать твою...

Она уставилась мне в глаза, и пришлось стиснуть амулет, вшитый в карман пальто. Красная, белая, черная или желтая ведьма, какая разница? Они все опасны, не через одну, не только пользующую Тёмную сторону, все.

– Я предупредила. Будь осторожнее, чужак и ищи лучше. Смертей станет больше, зверь почуял кровь и не захочет останавливаться, даже если его хозяин будет против.

Вот это уже интересно. И...

– Эй, большевик, тебе нужно отдохнуть. – Межинский подошел и уставился на кленово-березовую рощу перед нами. – Я звал тебя уже три раза. С тобой все хорошо?

Я кивнул. А что мне оставалось?

Мертвое солнце, зверь, вкусивший крови и имеющий хозяина, смуглая ведьма, скупко одетая в выделанную оленью кожу. Может, стоит показаться врачу?

Ладно, разберемся позже. Пора отправляться к Мен-Хва и хорошо, что не придется тащиться до железной дороги на Хобокен. Машина, все же куда лучше. Особенно, если...

– К тебе пожаловал кто-то из Вандербильтов?

Огромный «кадиллак», сверкающий хромом спиц, решетки и отделки, благородно фырчавший перед «Тихим лесом», казался настоящим крейсером.

– Нет, – Межинский уже в который раз усмехнулся, успев надоесть за утро этими своими ухмылками, – просто прибыла сама Элен Стар, ей положена не бричка, комиссар, а настоящая карета.

Вот оно как, сама Элен Стар, повелительница умов дев, девчонок, девушек, женщин и бабушек. Тогда понятно.

– Думаю, если еще не поздно, вложиться в этот бизнес. – поделился Межинский. – Что думаешь?

– В дорогие авто?

– В издательское дело. Современно, модно, востребовано... И прибыльно.

– Думаю, что твой основной ассортимент есть всегда востребованная классика и на жизнь тебе хватит. Пополнение не предвидится?

Межинский кивнул:

– Позвоню. Обещают интересные экземпляры, даже европейские.

Обожаю пушки из Старого Света.

– Буду ждать. Бывай, лях.

– До скорого, москаль.

Я хотел сесть впереди, но передумал. До чертиков захотелось проехаться сзади, ощутить – каково это, быть миллионером? Туда-то и сел, повернулся к водителю и...

Твою мать, как он сюда смог поместиться? Это же бегемот, не человек.

Бегемот, явно по ошибке природы родившийся все же среди людей, слегка повернулся, поворачиваясь ко мне. Синяя униформа, натужно скрипя швами, выдержала, не треснув.

– Куда едем, шеф? – почти пискнул он. А я едва не рассмеялся от такого диссонанса.

– Чайна, дружище. Это такси?

– Дорогое такси. Не для всех, но тебя, шеф, довезу бесплатно. Мне по пути, а хозяин этого места постоянно подкидывает работенку. Радио включить?

Я не ответил. Меня снова выключило, а последней мыслью оказалась тревожная «что-то со мной не так».

– Приехали, шеф. – тонко пискнула громада, остановив машину. Я кивнул, благодаря, и выбрался наружу. Плохи твои дела, братец Кроу, и, учитывая задание шефа, станут еще хуже. Если не выплывешь в ближайшее время.

Суетливо-пестрый Чайнатаун встретил меня как обычно оживленно. Местные, порой напоминающие поведением воробьев, голосили, мельтешили и занимались кто чем до позд-

ней ночи. Прямо как сейчас, несмотря на вернувшуюся чертову морось. Я поднял воротник пальто, в который раз пожалел о перчатках и, надвинув шляпу, шагнул в гомонящее человеческое море, запрудившее тротуары.

Торгаши, рабочие, продавцы и поставщики уличной еды, уборщики, поденщики для джерсийских ферм, прачки, горничные... Маленькие жители огромного Китая, перебираясь в Америку, не любили жить отдельно. Чайнатаун, начавшись с рабочих-кули, рос, распухал в стороны и уже дотягивался до Гарлема, порой нервируя черных. И доставлял все больше неприятностей как обычным копам, так и нам.

Патрульные, сидевшие в стареньком простеньком «форде» в начале улицы, проводили меня подозрительными взглядами. Парней сложно не понять, белые суются сюда лишь ради сомнительных удовольствий, а уж их тут предостаточно. От лихо-яркого театра-цирка, куда частенько перлась всякая деревенщина, потом устраивая пьяные дебоши, до курилен, где посетителям выдавали длинную трубку с опиумом и шлюху, прижимавшую одуревшую голову курильщика к уже потасканной груди. В опиумные курильни местные «драконы» отправляли «ночных бабочек», считавшихся старыми или болевших всякой дрянью. Кому какое дело до наркоманского сифилиса, подхваченного в притонах Маленького Китая? То-то, что никому.

Девчонки помоложе на улице не стояли, смешливо выглядывая со вторых этажей небольших ярких домиков и каждая

махала мне, идущему снизу. Нет, милые, ищите себя другого клиента.

Чем дальше оставались полисмены, тем громче становилась улица. Мне, безошибочно определив копа, ничего не предлагали, но и голоса убавляли лишь чуть-чуть. Вокруг хватало приезжих из города, пару раз мелькнули даже небритые рожи макаронников, за каким-то чертом оказавшихся на территории китайских коллег. Деловые переговоры? Меня это не волновало. Я слушал саму улицу, хотя и не надеялся найти в гомоне что-то полезное.

Чайнатаун, ведущий меня к своему сердцу, Драконьему саду, предлагал многое. От недавно запрещенных к прямой продаже «томмиганов» до уведенной с армейских складов взрывчатки. Ворованное золото, яшма и жемчуг, опиум и рисовая водка на змеях, волшебные-лечебные порошки из перетертого носорожьего рога, слоновьего бивня и даже моржового хрена. Нефрит, поделки из кости, лаковые веера с шкатулками, плетеные кресла, жареные огромные тараканы и настоящий переливчатый шёлк. Сложно представить – какую дань снимали с китайцев деловые люди мэрии, закрывающие глаза на творившееся непотребство.

Я остановился два раза.

Первый – когда мне предложили уединиться с девчонкой-подростком, больше смахивающей на куклу и быстро показанную из-под покрывала. Ствол «астры», нагретый под пальто, причинил продавцу несколько неприятностей.

Минимум три сломанных зуба во рту, грубо войдя в него мушкой и ожидаемую покупку новых брюк. Я бы на его месте точно сменил, не пытаясь отстирать заднюю часть.

Второй...

Мое путешествие, начавшееся затемно, растянулось от рассвета, перевалив через утренние блинчики в ланч, промелькнувший во время путешествия, и упиралось почти в полдник, намекая, что все чревато очередным поздним ужином. Есть хотелось невероятно.

А я... а я находился совсем рядом с Мо. А уж лапша с кусочками жареной свинины, плавающими в кисло-сладком соусе дядюшке Мо, знаете ли, настоящий деликатес. Особенно после треклятых блинчиков, превратившихся в воспоминания.

Мо, сморщенно-сухонький и древний, как кое-какие останки мамонтов, собственно не китаец. Он малаец, переехавший в Америку, коротать все же подкатившую старость, с Голландской Явы. А еще этот хитроглазый и юркий тип, мелко смеющийся всей своей темно-обезьянней мордочкой, не человек.

Мо – ракшас, давно уставший от вековечной жизни и повесивший свой кривой нож-кукри, черный от тысяч убитых душ, на стену. И готовящий просто чертовски вкусную лапшу со свининой, популярную и в обычном и в Ночном городе. А откуда, как вы думаете, мне так явственно представилась коробка с ней?

Я почти взялся за ручку двери, ведущей к нему, когда услышал поистине странные слова. И даже изумился от их наглости.

– Где мои деньги, обезьяна?

– Я плачу Драконам, шеф.

Это правда, Мо и впрямь поддерживает какую-то из банд яростных узкоглазых ребят, перебравшихся сюда вместе с честными людьми.

– Мне наплевать на твои дела с ними, маргышка. Ты знаешь, кто я, чертов выродок. А я знаю твою маленькую тайну, после которой, донеси я ее шефу, вернусь за тобой с серебром и огнем. Понимаешь, старый орангутанг?

– Понимаю...

Знаете, что меня напрягло на самом деле? Сразу несколько вещей, но главной в ней оказалось гортанное порывивание, едва уловимое в обычно спокойно-низком голосе Мо. Какая может быть у него тайна, если за молчание о ней требует денег кто-то из Ночного города. И не просто из города...

С серебром и огнем приходит только СиКей. Мы, 13 участок, являемся просто с серебром, вгоняя его в обоймы каждым вторым патроном. Серебро хорошо остановит и человека, а для большинства жителей Ночного города серебро смертельно. Так, что же делать?

Взбесившийся ракшас, резавший людей сколько себя помнит, это страшно. И, да, Мо мне просто нравился. Хотелось верить, что неожиданная тайна не связана с его соб-

ственными кулинарными пристрастиями, если туда входили деликатесы из человечинки. А раз так, то...

Дверь я пнул, нисколько не смущаясь. Выбить ее не выйдет, сделана на совесть. Закурил, прищурившись от дымка, потянувшегося к глазам и только потом вернулся к честной компании. Так, кто у нас тут кроме, само собой, Мо?

Двое крепких ребят, одетых как портовые рабочие, казались незнакомыми. Интересные дела творятся на территории, подчиненной надзору 13 участка. Шляются неизвестные типы, занимаясь рэкетом в сторону уважаемых Старых...

– Это не твое дело, Кроу! – рыкнул ближний и явно глупый.

Почему глупый? Да не стоило меня называть, выдав себя с головой. Теперь-то он не казался мне незнакомцем, как и его товарищ.

Договор разрешал людям заводить особые банды наемников, чаще всего охотившихся за Старыми, нарушившими все его положения и удравших от моих коллег. Дело опасное, но среди людей знающих всегда находились лихие головы, жадные до легких денег. Пан или пропал, это их устраивало. Иногда таких наемников даже пользовала всемогущая СиКей, привлекая к своим темным делишкам. И эти двое явно из таких, судя по наглости и трепу про огонь.

Решили рубануть денег, узнав что-то про Мо, ясное дело. И не донесли ни в 13-ый, ни своим нанимателям из СиКей.

Понимают промах с шахер-махером, потому уже нервничают и страстно желают запугать детектива Кроу, оказавшегося тут ни к месту.

– Шли бы вы отсюда, ребятаки, – посоветовал им я, – и не возвращались. Совсем.

– А ты дерзкий лягавый, как посмотрю, – усиленно заводил себя тот, что поглупее и крепче. – Не опасаясь, мать твою вперехлест, что дорожки пересекутся.

Этот прекрасный день скрывал в себе много нового. Например, сейчас я узнал целых две вещи, возможно, когда-нибудь дождущихся своего часа. Первая – один из наемников явно служил на флоте, либо просто ходил матросом в торговом. А вторая... он еще глупее, чем показалось сперва. Как можно оскорблять чью-то мать и думать, что ничего за это не случится?

Не так давно я, обычный офисный бурундук Лёха Воронин, еще подумал бы – ввязываться в драку с таким вот бугаем, либо нет. Но сейчас, после Блэкстоуна и остального, мой внутренний грызун давно стал боевым, порой превращаясь в самого настоящего медоеда. Африканского чертового барсука-медоеда, лютого и дикого.

Знания кунг-фу Блэкстоун мне не дал. Взамен, совершенно непонятно и не запомнившись, довеском мне прилетели скорость, сила удара и какое-то чутье, подсказывающее – куда нужно бить здесь и сейчас. Или стрелять, к примеру.

Нос напарника морячка хрустнул совершенно не музы-

кально, свернувшись набок. Детина отлетел к стойке, где маячила лысая голова Мо. А я занялся его глуповатым товарищем.

Тот, наверное, занимался боксом и даже засадил мне пару прямых. Первый прошел рядом с ухом, второй зацепил плечо. Потом пришел мой черед, хватит танцевать чечётку с ублюдком.

Его нос скорее чавкнул, для разнообразия вывернувшись в другую, в отличие от товарища, сторону. Ногой в пах, локтем промеж лопаток, коленом в бедро, прямо в сустав. Прекрасный рецепт, никогда не подводит.

Морячок захохотал на пол, а я что-то разозлился, не останавливаясь. Наверное, и это же нормально, просто соскучился по маме, чересчур давно не видел из-за всего этого. А он...

Я остановился от мысли о втором. Почему он ничего не делает? И глянул в сторону Мо, сразу все поняв. Ракшас все же прорвался, пусть и не полностью.

Мо, неожиданно нависая над стойкой, отрастил горб и странно длинные лапо-руки, ставшие почти черными, разодрав кожу шипастой шкурой, прятавшейся под ней. Свой кукри Мо все же никуда не вешал, ни на какую стену. Кривой и черный, он уже летал вверх-вниз, пока разрезая одежду и кожу ублюдка.

– Мо, успокойся!

Ракшас, покосившись на меня вроде бы не изменившимся

лицом, рыкнул. Но нож убрал.

– Мо, поставь его на место.

Ноги наемника болтались почти на фут над полом. Мо подтянул того к себе и страстно обнюхал, ворча через все же вылезавшие клыки. Черт...

Кольт сухо щелкнул предохранителем.

– Мо!

Мо вздохнул и выпустил человека, уже явно назначенного себе на обед.

– Забирай засранца и валите из города. – выдохнул я, опустив ствол. – Быстро!

Они убрались. Как и ракшас, ведь, едва поднимаясь над стойкой, на меня смотрел Мо, как всегда спокойный. Вот как им, Старым, это удастся?!

– Про какую твою тайну они говорили?

Мо почесал переносицу и свистнул. На плечо, блеснув красно-синими перьями, сел огромный попугай. И уставился на меня совершенно умными глазами.

– Давно-давно я убил целое судно голландцев. Этого, умирающего, пожалел. – Мо погладил попугая. – Поместил душу в птицу, тогда умел... иногда. Судно шло с золотом, Кроу. До него тяжело добраться, но если кто-то узнает, то...

– Мо! – рявкнул я. – Ты старый глупый пень. Каждый второй ваш знает о чем-то, но никто его не сдает в СиКей. Ты убил голландцев до Договора?

– Да.

– Если кто-то еще придет к тебе, чтобы вымогать, позвони в участок и попроси меня. Тебя просто развели, как ребенка. Никто не станет охотиться на тебя из-за этого. А... А ему разве хорошо жить попугаем?

Мо усмехнулся.

– Он живет со мной четыреста лет. Видит, как меняется мир и совершенно не хочет умирать. Считает, что попадет в Ад, ведь то золото оплачено чужой кровью.

Да уж... Ладно. Я достал новую «Лаки» и закурил. Открыл рот, дико желая лапши со свининой, когда Мо выставил тарелку с настоящими сычуаньскими пельменями. Маленькими аппетитными поджаристыми крохами, обложенными золотистым жареным луком и политыми совершенно безумно пахнущим соусом.

Ну, как быть? Я посмотрел на часы. Нормально, времени еще навалом, а отосплюсь утром. Мен Хва никуда не денется, рабочий день у него бесконечный. А есть хотелось просто дико.

Глава пятая: обнаженные красотки, поганая жирная жаба и неожиданная дырка

Почему мне всегда трудно идти к Мен Хва? Он просто мерзок, вот и все. Но надо.

Представьте свою сложность большой мерзкой лягушкой. Ощутите ее холодную липкую кожу в руках, подрагивающий зоб и глаза навывкате. Представьте, закройте глаза и сожрите, решая сложность. Полегчало? Молодчины.

Психологические тренинги никогда не входили в список моих любимых хобби. Там, дома, избегал как мог, а здесь они пока еще не вошли в моду. Коллеги решали проблемы самым доступным способом: походом в бар Вилли, накидывались там, как дикие свиньи и шли бить морды любой Старой шелупони.

Главной психологической проблемой в случае Мен Хва было отсутствие возможности представить себе лягушку и слопать ее, когда проблема решится. Почему? Все просто.

Мен Хва, старый, мудрый и мерзкий, был, натурально, демоном-жабой. Тем самым, притягивающим благосостояние в виде золотых монет. Вернее, если уж исходить из окружающих реалий, в шуршащих мертвых президентах. Какая разница, если разбираться?

Драконий сад прятался в квартале, по всем городским документам проходившем как «фабричный комплекс по переработке». Что там перерабатывали, учитывая вес больших бумажных конвертов, заносимых чиновникам, никто и не спрашивал. Сад имел выход к реке, превращаясь в самую настоящую крепость с возможностью отхода. Никогда бы не поверил в подобное, пока сам в первый раз не увидел.

Я подошел туда уже почти в сумерках. До окончания суток, когда меня завернули с участка на место убийства, не дав заслуженно проспать хотя бы ночь, осталось всего ничего. И чертов день растянулся до однообразия: серый, промозглый, с вездесущей моросью, лезущей за пальто.

Абак не появился. Совершенно не сомневаюсь, что Ворон вполне знает – где меня искать, но появляться ему точно не хотелось. К повороту на вход в Сад дошел по плохо уложенной брусчатке, еще встречающейся в этом районе. «Пять углов», Бауэри, остальное... История города, трущая своими несгибаемыми камнями мои ботинки.

Меня ждали прямо на повороте. Трое, аккуратные и чистенькие, светлеющие свежими сорочками и смотрящие на подходящего детектива Кроу как на... В общем, как «на...».

– Кроу!

Если бы ожидающие оказались макаронниками, хотевшими информации о вторжении в холодильник Тони Бритвы, или бутлегеры, пойманные две недели назад с двумя грузовичками бурбона, я бы не подумал переживать. С теми порой

проще не разговаривать, сразу начиная стрелять. Вот только красавчики были из СиКей, давно примелькавшись своими наглыми рожами в участке.

А еще мне очень не нравилась темнота в переулке напротив. Густая и чересчур черная темнота.

– Мистер Смит?

– Приятно, когда тебя узнают.

Я не ответил. Зачем?

– Ты поедешь с нами, Кроу.

Ага, спешу, бегу и падаю...

– Ни хрена. Сам с собой езжай куда хочешь. Можешь сгонять в Центральный парк, там вечером красиво.

Мистер Смит, как водится у СиКей, немедленно выдал дежурно-покровительственно-угрожающую улыбку. Эти парни очень любят сверкать зубами, скалясь по поводу и без, обожая ощущать себя крутыми. Ни хрена не сегодня, ублюдки, настроения зубоскалить в вашей говенной компании у меня отсутствует.

– Я сказал, Кроу – садись в машину.

«Лаки» хорошо помогают в таких ситуациях. Отвлекают, одновременно прочищая мозги и дают немного времени. Сигарета чуть стрельнула, разгораясь, дым пах испорченным вечером и неминуемым мордобоем. Возможно – даже выбитыми зубами.

– Я на службе, Смит, можешь направить запрос кэпу, можешь приехать в участок сам. Завтра, сегодня мой босс уже

дома, занимаясь горячим рагу, цыпленком и пирогом.

– Ты избил наших людей, Кроу!

Да вы что? Неудобно как получилось.

– Каких людей, Смит? За последние... несколько суток вы первые из СиКей, кого я встретил.

– Что-то он мне надоел. – наконец-то решил вмешаться один из молчавших. – Заберем так.

И опустил руку в карман.

СиКей пользуются жезлами Гипноса, сильными артефактами, выстреливающими сгустком непонятной энергии, едва заметно переливающейся голубом. Человек, Старый или существа, находящиеся посередке, вырубаются мгновенно. Говорят, последствия плохие, можешь несколько дней ходить под себя, гугукать и пускать пузыри изо рта с носом. Меня подобные перспективы никак не прельщали.

– Час назад ты избил двух наемников, работающих на...

Смит заткнулся. Еще бы тут не замолчать, когда на тебя, совершенно не смущаясь своей обнаженности, смотрит хромированная красотка «Астра», моя любимая девятимиллиметровая «Звездочка». Да, ребятки, не стоит прятать свои потные и, вполне возможно волосатые, ладошки в карманы.

– Смит, не стоило следить за мной. 13-ый никогда не отказывает вам в помощи. И уж совсем глупо было подсылать тех ублюдков к Мо, даже если вы знаете о моей слабости к старикам.

– Он демон, Кроу. – официально-холодно сообщил

Смит. – А сейчас ты наставил свою пушку на офицеров СиКей. Это...

– Смит, нас трое, – поделился мудростью третий. – Он не станет стрелять, верно, Кроу?

Что им от меня нужно, вот в чем вопрос. Я ничего не нарушил и не собирался. Брать детектива вот так... что-то здесь не сходится. Да еще чертова темнота в переулке...

В переулке заворчал мотор. Фары, уже нужные в сумерках, вспыхнули, ударив прямо по глазам ребят из СиКей. Они зажмурились, прикрываясь руками, а там, в темноте, открылась дверка.

– Ты очень долго, Кроу. – каркнул Абак. – Я уже устал тебя ждать, фраерок. О... офицеры.

Подойдя ближе Ворон приподнял водительскую фуражку, висевшую где-то на боку. И нахлобучил ее назад, развернув козырьком на затылок. Прекрасное зрелище, что и говорить.

– Еще встретимся, Кроу, – фыркнул Смит и решительно полез в машину.

– Спасибо.

– За что? – удивился Абак. – Что-то случилось, пока я дремал? Ты хвастался им своей пушкой? Ну, так убери, они уезжают. Вечно вы, люди, меряетесь длиной чего-то, глупо и смешно.

Он похлопал меня по плечу крылом и отправился назад. Вот и пойми – что это вообще было? Остается только писать рапорт кэпу, предупреждая ненужные вопросы.

Что такое Драконий сад? О, нет ничего проще и сложнее для объяснения. Только представьте: огромный город, национальный квартал, разномастно застроенный, вечно гомонящий и не спящий. И в нем, за высокой стеной из камня, за второй из каких-то национальных деревьев, выращиваемых лет сто, прячется парк-лабиринт, утыканный кумирнями, статуями драконов со львами, кукольными беседками с крышами-пагодами, прудами с неизменными проклятыми зеркальными карпами и ручьем, горбящимся несколькими мостками через него. Представили? Это было самое простое. Сложное – дальше.

Если оказываешься здесь, главное – не удивляться. Ничему, включая потрясающие цветы-лотосы в прудах или взяткам, получаемым людьми в мэрии, разрешающим всей этой красоте занимать столько нужного места. Нигде больше, ни в Гарлеме, ни в Бронксе, ни даже в Квинсе, окружавшем Маленький Китай, нет ничего подобного. Не считая Центрального Парка. Но тот-то для всех, а тут только для своих. И все молчат, не лезут и разрешают. Вот так вот все не просто.

– Запомните, джентльмены... – каждый раз не выдерживал и шептал под нос, приходя сюда, – эту страну погубит коррупция.

Меня пропустили через незаметную калитку, как всегда заставив чуть подождать и выдав провожатого, китаёзу в одном из их вечных черных костюмов. Мен Хва не ссорится

с властью города, даже с такой мелкой сошкой, как простой детектив. Китайская политкорректность и чиновничество, олицетворенные в старом демоне. Поразительно...

Бумажные фонари и большие бронзовые жаровни светили не очень ярко, но не споткнешься, особенно на таких ухоженных дорожках. Светлый речной песок шуршал под ногами, а мы шли знакомым путем, в самую глубину Драконьего сада. Мен Хва не сидит в одном из красивых зданий из лакированного дерева, торчащих тут-там. Старая жаба прячется в огромной пещере, а вход в нее начинается сразу за каким-то из сотен кустов, растущих тут повсюду.

И еще у него всегда влажно и душно. Мен Хва не любит холода, потому забрался поглубже под землю, наслаждаясь своими тропиками.

– О-о-о, Кроу, мой друг, – забулькала желтая жаба, стоило мне показаться под аркой, ведущей к нему, – как же я рад видеть тебя, почтенный страж, проходи, присаживайся, сейчас я выйду к тебе.

Иногда мне кажется, что Мен Хва все же сорвется, показывая свою ненависть и презрение к людишкам. Ко всем, наверное, кроме своих земляков. Да, чоу, китайской части Ночного Города сильно везло: узкоглазые не делали разницы между людьми и нелюдьми, деля их только по качествам.

Огромная желтая жаба приносит успех с удачей, по большей степени являющимся расчетами, производимыми с огромной скоростью и умением анализировать крохи ин-

формации? Желтая жаба на самом деле потустороннее существо и рядом с ним иногда пропадают люди, оставляя лишь кровь или непереваренно-отрыгнутые косточки? Поверьте, чоу всегда сумеют разложить это по полочкам, совместить пользу с убытками и рассчитать прибыль. Доход больше убытка? Отлично, ведь в Китае, даже Маленьком, всегда найдется пара-другая ненужных молоденьких девчонок, не говоря о карапузах. Добрый Желтый Старик будет доволен и благодать Небесного Императора продолжит изливаться на его слуг.

– Не смущайся, мой друг, не смущайся...

Да, такие мысли частенько посещали меня из-за выходов Мен Хва. Он мог попросить присесть на кушетку, крича откуда-то, а потом оказывалось, что кушетка стоит прямо напротив огромной выгребной ямы, где Жаба справляет надобности. Или пару раз меня сопровождали в опочивальню Желтого Старика, где гнида, несмотря на размеры и преклонный возраст, изволил отдыхать после излишеств. Хорошо, что излишества не оказывались гастрономическими, с уклоном в людоедство. Мен Хва знал, когда не стоит переходить черту. И балансировал на ней, стараясь причинять всяким мерзким людишкам, вроде меня, максимум неудобств. Паскуда.

– Может быть, присоединишься и мне не придется выбирать?

– Спасибо. Я подожду в кабинете. – Присоединяться? –

Ты долго?

– Там... Там уборка, мой друг Кроу, большая уборка. Садись в кресло, вон оно, у столика.

Поганая сволочь явно наслаждался, понимая, что я никак не окажусь в его огромном бассейне с теплой водой, плавающими кувшинками, тиной и даже растущими камышами. И что я не смогу подвинуть кресло, огромную деревянную конструкцию, весящую очень много стоунов. И буду смотреть на него, не сидеть же мне отвернувшись, верно?

Брекекекс... именно так щелкало в моей голове каждый раз, когда я его видел. Смешно и глупо, но полностью передавая все чувства, вызываемые внутри меня Мен Хва.

Иногда мне кажется, что Мен Хва есть и в нашем мире. И, не иначе как, с ним знаком режиссер далекой-далекой галактики, потрясенный и создавший, как монумент памяти, своих хаттов. Разве что у Мен Хва есть ноги, слоновьи ножищи-тумбы, удерживающие весь его огромный вес на расстоянии в пару десятков футов, больше он не проходит.

Желтый бородавчатый бегемот, облепленный почти десятком молоденьких голых девок-чоу, выбирался наружу, скользя по ступеням и вцепившись в мускулистые руки четырех охранников, тянувших тушу наружу. Складки тряслись, влажно чавкали, выпуская оставшуюся воду, свет красноватых ламп прыгал по наростам, рассыпавшимся по нему от самой шеи.

– Уф... мой друг Кроу, видишь, как я стар, болен и слаб? –

рокотало чудовище, выбравшись и сев на подставленную скамейку. – Сейчас, мне лишь вытрут ноги.

Я не выдержал и отвернулся, увидев, как его девки принялись протирать господина. Они протрут жабенцию, закутают в почти сотню футов с лишним императорского красного шелка, украшенного золотым шитьем и потом...

– Здравствуй, друг Кроу, уф... – благостно протянул он, неожиданно быстро оказавшись рядом. – Чаю?

Откажешься – демон оскорбится и точно ничего ничего не скажет. согласишься – опять получишь порцию странной жидкости, напоминавшей чай только цветом и неизвестно, расскажет ли Мен Хва хотя бы что-то...

– Да, мой друг, спасибо за гостеприимство.

– Очень рад видеть тебя, Кроу. Как твои дела, все ли спокойно в нашем прекрасном участке, отвечающем за мир, добрые деловые отношения и жизни граждан этого прекрасного города?

Лживая ты гнида, Мен Хва, старый врущий мешок давно сгнившей икры. Мир, добро, бизнес, какие чудесные слова... Такие же фальшивые, как чудеса фокусников на китайских ярмарках. Здесь, в Америке, чоу приватизировали древний заработок индусов – развлекать скупающих гуляк змеей и дудкой. Змеи глухие, все знают... вернее, не все. Но дудка продолжает и продолжает свиристеть, а змея покачивается. Все верят и кидают звонкие центы мальчишке, собирающему плату. Так и тут.

Договор не ограничивал деловые интересы Старых. И они, живущие куда дольше нас, давно нашли лазейку в мир людей, занимаясь темными делишками и торговлей всяким дерьмом. Контрабанда, бутлегерство, торговля запрещенными видами вооружений, азартные игры, проститутки и публичные дома... разломай любой из столпов криминального мира и увидишь уши Старых.

– Сегодня встретил в Чайне макаронников. Видно, вы все же решили договориться о мире?

Мен Хва заклокотал подкипающим чайником. Смотрелось мерзко и смешно, учитывая все его подбородки, потрясывающиеся в праведном гневе. Алый шелк с драконами и карпами перекатывался волнами под напором всех его добротного-наеденных сотен фунтов.

– Проклятые дети собак! Вонючие островные овцетрахи! Помет своих проклятых шлюх-матерей! В моем городе, в моем... – Мен Хва надувался, явно готовясь лопнуть от злости. – Красную Чешую, Бледного Зайца и Топора ко мне, живо!

Ох, как разошелся наш головастик-переросток, надо же! И, как не прискорбно, снова пришлось убедиться в человеческой, и не только, лживой натуре, а также в обманчивости самых обычных стереотипов.

Не стоит думать, что если чоу зовется Красной Чешуей, то он склизкий и мерзкий тип. Нет, конечно, в случае с вызванным молодчиком, отвечавшим за боевое крыло чоу,

эти качества есть на все сто. Но прозвище отражает другое. Красной чешуя становится только из-за повреждений, и во все необязательно из-за рыболовного крючка. Красной становится чешуя карпа, когда тот старается перелететь через водопад наверх. Ведь когда самая обычная рыба делает это, то она станет драконом.

Заяц, живущий на Луне, хранит всю мудрость этого мира и советует великим героям, включая полубезумного Обезьяньего царя, как лучше поступить в любых ситуациях. И тощий длинный китаец в очках, что скоро появится тут, лучший стратег и тактик китайской мафии, что не зарождалась, а просто ждала своего главного выхода.

Ну, а Топор... Топор он и есть топор. Острый стальной предмет, нужный для самых примитивных действий. Тем более, что главный Топор Чайны вовсе даже тупой дуболом. И не больше.

А лживая нечеловеческая натура гостеприимного хозяина Драконьего сада, оскорбленного в лучших чувствах проклятыми овцетрахальными псами, явила себя лучше некуда. Старость не радость, даже если ты демон. Мен Хва, Мен Хва, неудели ты думаешь, что мне неизвестно о твоих шашнях с Мамой Джиа? Мамой Джиа, серым кардиналом сицилийских серьезных ребят?

Как-то раз, в баре у участка, случайно услышал треп патрульных. Парни спорили, доказывая, что итальяшки не имеют никакого отношения к Ночному Городу. Ведь они, не че-

рез одного, а поголовно – упертые и упоротые католики. Откуда среди них взяться тем, кого считают нечистью, либо как они могут связаться с ними?

Жаль, не мог помочь проспорившему Бобу, рассказав о Маме Джиа, помнившей, если верить архиву, одного невысокого корсиканца, захватившего почти всю Европу? О Маме Джиа, у которой по струнке ходил даже сам старый-добрый Вито со всеми своими капо-ди-каппи? О Маме Джиа, входившей в Ковен и сидевшей в Совете Ночного Города? И владевшей, на паях с Мен Хва, третью всей недвижимости Манхэттена? То-то...

Но пора было переходить к делу, пить вторую чашку пойла отдающего лежалым сеном, мне совершенно не хотелось. В отличие от желания все же добраться до собственной квартирки и завалиться спать.

– Мой друг...

Мен Хва, заливавшийся соловьем, ожиревшим и потерявшим голос, тут же успокоился и масляно взглянул на меня своими выпуклыми буркалами.

– Я ищу мальчишку, продававшего лапшу... очень храбро продававшего лапшу в Литтл-Итали, у макаронников. Несколько дней назад он мог видеть убийство красивой молодой девушки и мне очень хотелось поговорить с ним. Ты, друг, знаешь и видишь все, творящееся здесь, в твоём Маленьком Китае. Помоги мне, и не останешься внакладе.

Мен Хва моргнул, правым глазом. Потом левым, затем

быстро облизал дряблые губищи нечистым жабым языком. И стало ясно – помощи тут ждать не придется. И, мало того, спать мне не придется тоже. Ведь мальчишка, судя по почти незаметному волнующемуся подрагиванию обрюзгшей гигантской жабы, не здесь. И даже если не искали, а такое вряд ли, то теперь станут искать вдвойне сильнее.

– В первый раз слышу... – Мен Хва совершенно по-человечески вздохнул и взглянул на меня как отец, жалеющий сына, сгоравшего на плохой работе. – Если узнаю, то сразу отправлю к тебе одного из наших людей.

– Спасибо. – совершенно серьезно сказал я, понимая, что больше всего мне хочется сделать ему какую-то дрянь. – Всегда верил в то, что именно такая мудрая личность, как ты друг, вполне понимает и разделяет – когда нужно помогать простым легавым, а когда молчать. Спасибо за чай, он был прекрасен. Я пойду, мой чудесный друг.

И я ушел, злой, но прекрасно понимающий – что ждет меня впереди в эту ночь. Чайнатаун, распросы, поиски и дрянной кофе под самый рассвет. Хорошо хоть здесь можно купить сигареты в любое время.

Меня проводил практически до самого выхода. Паренек в черном растворился, указав мне на калитку, а я закурил.

Моросило, с реки тянуло холодом, а ночь обещала быть длинной и стылой. Ночь даже молчала, не откликаясь со стороны улицы своим вечным шумом. Темнота, почему-то не

горящие фонари...

И моя тлеющая «Лаки».

Крик, не карканье, а именно крик ворона, прилетел сбоку. Чуть раньше, чем вспышка и грохот выстрела, возникшие в той стороне среди кустов. Тут же ударило выстрелами сзади и еще с какой-то стороны. Каркалка, спасшая мне жизнь, спасибо.

«Астра» оказалась в руке тут же. Двадцать патронов длинного магазина – это вам не шутки, это серьезно. Как и переключатель автоматического огня. Я вломился в кусты, стараюсь скрыться хотя бы от одного из стрелявших. Вести огонь из засады по копу 13 участка прямо в Драконьему саду... небывалое по своей наглости дело. И вряд ли это ребята Мен Хва, они же не идиоты, хотя от этого не лучше.

Я знал одно укромное местечко в заборе, где росло невысокое коренастое деревце. С него можно попасть на каменный гребень, ведущий наружу и спрыгнуть вниз, стараясь не поломать ног.

Пули раскидали щепу над головой, сбив несколько веток. Ребята охотились на меня серьезно, стоило поторопиться. Пригнувшись, почти добрался до нужного места, когда обожгло бок, тут же сменившись болью, проткнувшей во все стороны. Черт...

У меня получилось подняться и влезть на стену. Вниз упал как мешок цемента, приложившись плечом и понимая – надо уходить. А где...

На гребне возникла первая фигура, обычная человеческая, пусть и без шляпы на голове. Но тут вдруг вокруг сгустилась темнота и затянула меня в себя.

Хреновый вышел денёк. Правда, может он был и отличным... Чтобы помереть.

Глава шестая: старый коновал, черное с лиловым и папиросы

– Ты мне все кровью запачкал, Кроу! – каркнул Абак откуда-то из темноты. – Сядь!

Легко ему говорить, не у него же дырка в боку.

– Кроу! Не засыпай! Сядь, дурак! – продолжал скрипеть Ворон, а вместе с его ворчаньем жизнь вокруг приобретала звучание и все такое. Жизнь ревела движком, поскрипывала на поворотах и пахла соленой медью. А... Да, она же просто воняла моей кровью, верно.

– Сел?

Я сел, оказавшись на заднем сиденье такси.

– Куда?

Вопрос явно имел под собой место назначения адской гонки, устроенной Вороном.

– В участок! – каркнул Абак и повернулся ко мне, злобно блеснув глазом. – Ты же умрешь, если я не успею! Прижми к дырке и держи!

Прижать? На сиденье, темно-красная от крови и рыжая от масла, лежала обычная тряпка. Такими вытирают руки после копания в движке. Чертов Старый, засунувший мне её...

– Кроу! Кроу! – продолжал каркать Абак, а я почему-то очень плохо его слышал.

На очередном повороте меня ударило о стекло и я стек по сиденью.

– А, Морн тебя раздери, фраер!

Морн – первый Ворон, служивший каким-то давно забытым Богам. Фраер – это я, по-моему умирающий от кровопотери. Если, конечно, Старый не успеет попасть в участок.

А Абак странный Ворон, сдалось ему помогать мне, целых два раза за день, так? Старые, несмотря на Договор, никогда не спешат на выручку людям там, где можно подождать. По их, Старых, мнению. Умирает какой-то коп с 13? Да и пусть себе дохнет, в Договоре же не прописана обязательная помощь, помрет, так помрет. Абак неся, заставляя машину выкладывать все ее возможности по полной. Странно...

– Кроу, посмотри на меня!

Я посмотрел. Прямо перед глазами, странно медленно, плыло небольшое черное перышко. Вот оно добралось до моего носа, коснулось, прилипло, почему-то хотелось чихнуть, но не выходило. Носоглотке стало очень щекотно, от нее разлилось тепло и боль немного отступила. Или страх? Помирать, знаете ли, как-то ужасно. Хотя мне стало почти все равно.

Абак точно пер в наш лазарет, кусок подвального помещения в здании Участка. Почему у нас имеется собственная больница? Ну, как еще...

Привези в обычный госпиталь патрульного, схватившегося с кем-то из клиентов и больше смахивающего на жерт-

ву лесопилки и?.. Лесопилка не станет драть всего человека, почикает куда дотянется и выплюнет остатки. Ненужные вопросы и обязательная, стопроцентная, гибель.

Доставь в окружную клинику детектива, отслеживающего пушера из, например, остатков диких альвов, напоровшегося на сиреневую паутину. Детектива, густо оплетенного лиловой липкой дрянью с ног до головы и?.. Смерть наступит за те пару часов, когда врачи станут пытаться срезать в него эту хрень, вместо того, чтобы сжечь и успеть спасти самого детектива. И... верно, ненужные вопросы и обязательная гибель.

Вот у нас и есть своя небольшая бригада коновалов, при чем не обязательно людей. Спасатели и спасители, вытаскивающие из Преисподней наши души. Или, все же из Чистилища? Вот и я не уверен, откуда.

– Везу Кроу! Плох, умирает!

О, Ворон совершенно распоясался в своей помощи кожаному мешку с трбухой, называемому человеком. Разговаривает с диспетчером, вызывая бригаду к подземному въезду.

Тут, в мире Ночного Города, техническая революция, да и не только, шагнула вперед. Где серьезно, где только-только опережая мое время «дома». Мобильные радиопереговорники американцы, вроде, использовали на Второй мировой, всякие там огромные уоки-токи. Тут, не иначе как с помощью дворфов, радио появилось раньше и, пусть не везде, его пользовали экстренные службы. Такси ни хрена не такое

учреждение, но это наше, 13 участка, такси, станция положена. И Абак сейчас каркнул еще что-то в самую обычную телефонную трубку, проводом уходящую в панель, откуда устройство подключалось к антенне.

Какой он молодец, это Старый. И мне почему-то совершенно не страшно, даже весело. Очень странно.

– Катите его, катите!

А это уже Стеллан, усатый старый морж, старший врач лазарета, он же патологоанатом и коронер, полукровка, как Майки. Талантливый хрен с золотыми руками, на мое счастье оказавшийся на дежурстве, надо же... да мне прёт, как утопленнику. Может быть, даже выживу.

– Кроу, смотри на меня, говори со мной!

– Док, вы похожи на тюленя.

– Что ты ему дал?! – рявкнул Стеллан, глядя на чернеющего вверху Абака. – Что это?

– Не повредит, – каркнул Абак и достал откуда-то синие очки, нацепив на клюв и пропал.

– Наркозу не повредит! – донеслось его ворчанье сзади.

Лампа, еще лампа, белый потолок, трубы отопления, накрахмаленный колпачок на кудряшках сестры как-то её-там, седые вислые усы Стеллана, лампа, снова лампа... ох... я что-то совсем устал, пора...

Шлёп!

Я ошалело потряс головой, глядя на Стеллана, явно зале-

пившего мне оплеуху. Тот подмигнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.